

ДЖАНЕТ НОРТОН

НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ

ПАДЕНИЕ

КРИСТАЛЛЫ -

КРИСТАЛЛИЗОВАННЫЙ СВЕТ,
ОБРАЗУЮЩИЙ НИТИ ЖИЗНИ
МЕЖДУ ЭНА И ЛЮДЬМИ.

Джанет Нортон

На Другой стороне. Падение

«Издательские решения»

Нортон Д.

На Другой стороне. Падение / Д. Нортон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837785-3

Древние считали, что у каждого человека где-то есть его идея, а он лишь ее тень. В романе это мир эна — крылатых вековечных созданий Света. Но мир эна так же не идеален, как и мир людей: начинаются Последние войны, в которых каждый герой оказывается перед выбором между Светом и Мраком. «Падение» — начало пути героев романа «На Другой стороне», где каждая мысль и поступок в любом из миров определяют их судьбу и ход Истории.

ISBN 978-5-44-837785-3

© Нортон Д.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

На Другой стороне Падение

Джанет Нортон

Дизайнер обложки Самира Джендубаева

© Джанет Нортон, 2018

© Самира Джендубаева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-7785-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Давным-давно кругом был Мрак, веками стыл он в небе где-то,
Пока вдали, среди темноты, не появился лучик Света
Один всей ночи вопреки сиял без устали и жарко,
Тогда среди темной пустоты других звезд свет зажегся ярко*

*Сияй во тьме, храни свой Свет, и если Мрак затмит глаза,
В полете ты найдешь ответ, что Свет всегда внутри тебя*

*Вслед за одиноким огоньком свет тысяч звезд явился миру
С тех пор преобразился он, но Свет, что отдал свою силу,
Не растворился в мире том, он сохранился и стал ярче,
Все так же первым тем огнем нам жизнь даруя как и раньше*

*Сияй во тьме, храни свой Свет, и если Мрак затмит глаза,
В полете ты найдешь ответ, что Свет всегда внутри тебя*

*Не дай угаснуть силе жизни, пусть Свет ведет сквозь холод Мглы
Средь облаков и на земле храни его и береги
Давным-давно идет война, в ней гаснут Света очаги,
Но сколько б ни старалась Тьма, не победить ей все огни*

I

Стражники Громового форта редко покидали пределы гор, повисших в воздухе на границе Басилеи, королевства эна из народа эферья. Со смотровых башен крепости им открывался вид на южный лес и на давно заросшие растительностью обломки мостов, некогда соединявших две земли эна¹ в единое целое. Граница Басилеи, которую охраняли эферья из Громового форта, пролегла вдоль гор и заканчивалась пропастью, переправиться через которую после разрушения мостов можно было только на крыльях. Помимо пропасти, что разделяла две территории, повисшие над мутным полотном барьера, живущих на них эна отделяли друг от друга и века междоусобной войны. В южном лесу по другую сторону пропасти начиналась земля народа арья, с которым у народа эферья общими были только страхи и суеверия.

Почти одинаково они благоговели перед барьером, над которым располагались все королевства и царства эна. Парящие пласты земли держались над серой гладью барьера, не прикасаясь к ее поверхности. Сами эна так же боялись дотрагиваться до барьера, поскольку в преданиях их народов, несмотря на разницу в языках, описывался опасный мир теней, расположенный на другой стороне. Для эна участь оказаться в мире теней и пройти их так называемый суд считалась страшным наказанием, почти равным смерти, ведь никто из пересекших границу барьера так и не смог вернуться назад. Уход к Свету казался предпочтительней, несмотря на то, что еще с древних времен многие эна сомневались, действительно ли умершие присоединялись к единому источнику Света, а не просто исчезали из мира живых раз и навсегда. Причина тягостных сомнений оставалась неизменной на протяжении веков для всех народов эна – причиной была Мгла.

Где бы ни жили эна и каким бы правителям ни служили, все они боялись Мглы. Свет жизни раздражал Мглу во всех ее проявлениях. Лишь в сражениях с ее порождениями, темными тварями, эна забывали, что были представителями эферья и арья, и потому могли объединить усилия для битвы с чудовищами. Монстры все чаще нападали на их деревни и города, уничтожали посевы и фермерские угодья. Не желая уподобляться чудовищам, солдаты двух армий старались придерживаться правил ведения боя и обращения с пленными. В случае нечаянного столкновения при угрозе Мглы, они должны были стоять плечом к плечу против темных тварей и лишь потом обращать оружие или магию друг против друга. Конечно, риск смерти от удара в спину оставался велик, ведь ни эферья, ни арья не считали друг друга благородными эна. Поэтому никто из солдат не улетал без разрешения командира Громового форта в одиночку за пределы крепости, а самоволка жестоко наказывалась работами в шахте, расположенной севернее горы.

Командир Раниеро не щадил подчиненных, следуя своим собственным правилам, нередко более строгим, нежели прописанный для солдат эферья устав. За соблюдением устава самим командиром бдительно, но чаще всего безуспешно, следил его заместитель Алистар. Алистар считал Раниеро слишком самоуверенным и ставил под сомнение его командирские способности, и потому пытался навязать ему свое обоснованное правилами мнение. К мнению Алистара, несмотря на свой самоуверенный характер, Раниеро всегда прислушивался, хотя все равно чаще поступал по-своему, доверяя инстинктам и чутью. Дружба, сложившаяся с годами совместной службы, помогала им находить компромиссы ради блага Громового форта, но возмущаться по поводу некоторых решений Раниеро Алистар не переставал даже тогда, когда уже было поздно что-либо изменить...

– Мечтаю увидеть твой рапорт генералу после этой вылазки! Ладно бы ты был просто солдатом, которого отправили на обмен пленника в земли арья! Где это видано, чтобы коман-

¹ Авторское прочтение названий и личных имен указано в глоссарии и списке имен в конце книги.

дир так рисковал собой по своей собственной воле? – все никак не унимался Алистар, продолжая начатый еще в форте спор с Раниеро. Отряд эферья покинул крепость, направившись в южный лес, и Алистар злился на летящего чуть впереди Раниеро, который решил возглавить отряд лично несмотря на всю опасность миссии.

– Я и есть простой солдат, – невозмутимо уверенным тоном ответил Раниеро. – Должность мало что меняет в службе. Только обременяет. Например, занудными заместителями, – не скрывая улыбки в голосе, добавил он, взглянув на недовольного Алистара.

– Другой бы заместитель уже давно бы пожаловался на тебя в столицу!.. – начал было Алистар, как вдруг среди темного массива деревьев проступил силуэт величественного сооружения с высокими колоннами и огромным куполом. Осмотрев территорию перед храмом, Алистар продолжил возмущаться, но уже по другому поводу:

– Я же говорил, что их будет больше! – сердито произнес Алистар, осмотрев превосходящий числом отряд арья перед храмом.

– Я же приказал тебе остаться в крепости, – парировал Раниеро, направив взгляд на отряд арья. – Случись что со мной, тебе управлять фортом, а ты здесь. Не по уставу ведь.

Алистар сдержал гнев, но про себя все равно возмутился поводом, который Раниеро выбрал для иронии. Алистар давно обещал пожаловаться на Раниеро в столицу, но со временем тема жалобы стала не более чем шуточной угрозой. К тому же, несмотря на устав, Алистар не хотел ждать плохих вестей в Громовом форте, поэтому решил проследить за ситуацией, чтобы в случае чего защитить безрассудного командира от опасности, раз не вышло предостеречь от нее доводами разума.

Встав перед входом в храм, солдаты арья хмуро взирали на приближающихся эферья, пристально следя за каждым их движением. Вооруженные и с факелами в руках, они были напряжены и воинственно настроены, а некоторые, как догадался Раниеро, стерегли кого-то, кто находился в храме. Жестом дав команду своему отряду приземляться, Раниеро первым спикировал на открытый участок земли перед арья и с хмурым видом уставился на пленника. В разноцветных глазах пленного эна застыл страх, а седеющие волосы словно побелели еще больше. При виде Раниеро пухлый эферья разволновался и попытался было встать с колен, на которые его усадили в ожидании отряда из крепости, но сделать это не позволили стоящие по бокам арья.

Приземлившись рядом с Раниеро, Алистар обвел арья сердитым взглядом, а потом испытующе взглянул на Раниеро, ожидая его реакции. Казалось, арья не собирались начинать разговор о передаче пленного первыми, но и Раниеро отчего-то молчал. К своему удивлению, Алистар заметил в зеленых глазах Раниеро невозмутимое спокойствие, которого сам Алистар не разделял. С тревогой осмотрев арья, Алистар также стал выжидать, не решаясь произнести ни одного слова вслух, пока вдруг стража перед храмом не расступилась, а на открытую площадку перед храмом не вышел самый рослый из всех арья.

На нем не было доспехов, словно арья хотел показать, насколько могучего он был телосложения и бесстрашного нрава, учитывая количество шрамов, оставшихся на его темной коже. Длинную в пол красную набедренную повязку держал широкий украшенный камнями пояс, а в руках незнакомец держал тяжелый изогнутый меч. Раниеро невозмутимо гордо вздернул подбородок, сделав несколько шагов вперед, и остановился на почтительном расстоянии от арья, вскинув свое оружие. Солдаты за спиной Раниеро сделали то же самое, но действовать им не пришлось. Раниеро жестом запретил агрессивно реагировать на арья, а потом демонстративно спокойно заложил руки за спиной.

– Я командир Раниеро. Мы принесли то, что вы просили, – произнес он на наречии арья. – Отпустите пленника и получите эликсиры.

– Не думал, что увижу здесь командира летучих мышей, спрятавшихся от нас в горе, – произнес на языке эферья рослый воин-арья. Солдаты за спиной Раниеро встрепенулись

и зашевелились, сердясь из-за оскорбления, но Раниеро, поразмыслив, неожиданно для своих подчиненных криво ухмыльнулся. Он понимал, что говорит с одним из военных вождей арья и потому не мог допустить пролития света, равно как и не мог упасть в грязь лицом перед противниками и своими собственными солдатами.

– Все лучше, чем командовать полевыми мышами, – обведя всех арья насмешливым взглядом, Раниеро со вздохом продолжил:

– Благо в нашей горе они не водятся, сколько бы ни старались в нее пролезть...

Воин-арья оценил слова Раниеро и вдруг громко усмехнулся.

– Я – Абаур! – представился он, выпятив вперед грудь. – Положите здесь эликсиры! Мы отпустим пленника, когда увидим лекарства, – властным голосом потребовал Абаур.

Раниеро неторопливо обернулся к Алистару и одними глазами потребовал вынести вперед ящик с эликсирами жизни и маны, который стражники принесли с собой из Громого форта. Алистар ответил на немой приказ командира сердитым взглядом, но все равно его исполнил, вместе с одним из солдат положив ящик напротив пленного. Открыв крышку, Алистар встал позади Раниеро, неожиданно для себя засмотревшись на темноволосую воительницу арья из свиты Абаура, которая подошла к ящику по его немому приказу. Проверив банки с эликсирами, она кивнула Абауру и взглянула на внимательно следившего за ней Алистара. Выпрямившись, арья грозно уставилась на Алистара своими темно-кариими глазами, и Алистар вдруг невольно смутился от того, что залюбовался незнакомкой.

– Отпустите пленника, – жестко потребовал Раниеро. Абаур кивком приказал своим солдатам отпустить седовласого эферья. Арья подняли пленника на ноги и сняли волшебные оковы с его рук. Потерев запястья, освобожденный из плена эна бегом направился к стражникам Громого форта. Раниеро собирался поговорить с ним по возвращении в крепость, и потому не стал даже улыбаться в ответ на благодарный лепет.

– Спасибо, командир! – произнес спасенный эферья сиплым от волнения голосом.

Раниеро ничего не ответил и даже не взглянул на освобожденного пленника. За спиной раздался недовольный голос Алистара:

– Вечно с тобой какие-то проблемы, Тодор! – прорычал тихо Алистар, недобро сверкнув синими глазами, и отвел Тодора чуть дальше от арья в сторону поджидающих их стражников эферья.

– Возвращаемся в форт! – приказал Раниеро, и когда его подчиненные начали проявлять крылья за спинами, чтобы взлететь в воздух вместе со спасенным Тодором, Абаур вдруг снова заговорил:

– Так это ты одолел Издубара? – спросил Абаур, оценивающим взглядом осмотрев Раниеро.

Раниеро невольно задержался на месте, обернувшись к Абауру. Сражение близ Громого форта, когда арья под предводительством вождя Издубара чуть было не захватили крепость при старом командире эферья Фероксе, стало поворотным моментом в жизни Раниеро. Тогда он и занял пост Ферокса, не дав арья пройти границу Басилеи. Несмотря на победу в том бою и ее последствия в виде повышения, услышав старое имя павшего соперника, Раниеро заметно посерьезнел и даже разозлился.

– Надеюсь, это будет наша последняя встреча, – холодно произнес Раниеро, кивнув на прощание Абауру, и взмыл за солдатами эферья в небо.

Заметив, что Раниеро отстал от отряда, Алистар поровнялся с ним в полете, взглянув на еще караулящих у храма арья. Абаур, проследив за солдатами эферья, скрылся в стенах храма вместе со своей свитой, в которой была смуглая арья-воин. На миг задумавшись, Алистар слегка встряхнул головой и внимательно взглянул на Раниеро.

– Что сказал Абаур? – спросил Алистар.

– Что арья не забыли прежние обиды и, возможно, скоро снова на нас нападут, – ответил Раниеро, не глядя на Алистара, и направился возглавить процессию, перелетев в начало колонны.

Вернувшись в Громовой форт, Раниеро первым делом решил разобраться с Тодором. Ученый-лекарь вынудил их рисковать своими жизнями на вражеской территории, и сам чуть было не погиб, покинув форт без разрешения. Поэтому, стоило Тодору приземлиться на смотровой площадке, как Раниеро тут же накинулся на него, схватив за воротник мантии:

– Когда я говорил, что не против твоих экспериментов, я не имел в виду вылазки в южный лес! – возмутился Раниеро, встряхнув опешившего Тодора так, что седой лекарь чуть не упал.

– Командир, я искал редкие травы, – попытался оправдаться Тодор, – Они должны были лечь в основу нового снадобья! Я не думал, что меня поймают так близко от форта!

– Чтобы вылечить солдат, не нужны особые снадобья! А мне не нужны лишние проблемы! – толкнув Тодора, Раниеро махнул рукой, приказав стражникам схватить лекаря. – Работа в шахте поможет привести мысли в порядок и напомнит о прямых обязанностях! При соединишься к тем часовым, что выпустили тебя без моего ведома!

Смотря как стражники уводят Тодора, Раниеро, взмыв на крыльях в сторону северной части форта, не сразу заметил, что Алистар остановился рядом.

– Если есть угроза нападения на форт, надо предупредить генерала, – уверенно, но тихо, чтобы их не услышали удаляющиеся на посты солдаты, заявил Алистар.

Раниеро стиснул зубы и направился через выход со взлетной башни внутрь крепости, стремительным шагом пересекая лестницы и коридоры, ведущие вглубь форта. Алистар не отставал, преследуя Раниеро до массивных дверей, которые сам и закрыл, стоило Раниеро первым зайти в просторный кабинет. Во главе кабинета стоял рабочий стол, освещенный спифами, по периметру располагались забитые доверху шкафы и сундуки с военными трофеями, картами и оружием. Как только Раниеро приблизился к столу, в ярком свечении почтового ящика по правую руку от него возник небольшой свиток. Заметив королевскую печать, Раниеро закатил глаза.

– Все же нажаловался на меня, не так ли? – проворчал он, бросив недовольный взгляд на Алистара.

– Если бы я действительно написал жалобу, то предоставил бы ее до отправки тебе на подпись, – усмехнулся Алистар, снимая с головы шлем, и оправил короткие русые волосы. – Да и кому, Свет мне в глаз, жаловаться? Твоему другу генералу Вителиусу, который и назначил тебя на пост?

Взяв свиток в руки, Раниеро сломал печать и раскрыл послание. Читая, он медленно прошел к рабочему столу, а потом переменялся в лице и опустил свиток.

– Если жалобу написал кто-то из капитанов или солдат, я могу отправить письмо в замок, опровергнуть претензии... – заметив перемены в лице Раниеро, осторожно произнес Алистар, напряженно ожидая, что тот скажет.

– Меня вызывают в Сердце Басилеи... – произнес Раниеро, еще не зная, что думать о послании. Он снял с головы шлем, взъерошив короткие пепельно-русые волосы, и с усмешкой добавил:

– Похоже, что сбылась твоя мечта, Алистар, ты новый командир Громового форта.

Линтон всегда считался эталоном городской инфраструктуры и социального обеспечения граждан. Ни в одном другом городе Альянса продовольственной и энергетической политики или в сокращении АПЭП не было столь щедрого финансирования на нужды жителей, несмотря на то, что уровень жизни во всех городах АПЭП был более чем высокий за счет

многолетнего экономического роста. АПЭП предполагал единое управление и единый подход к решению многих первоначально важных вопросов, среди которых всегда было обеспечение жильем, образованием и работой. Поэтому беженцы так стремились перебраться через границу Альянса, где они могли оказаться в безопасности, комфорте и достатке.

Когда только начиналась политика помощи иммигрантам, большинство жителей АПЭП и не предполагало, какие масштабы примет война с террористами, любыми средствами и методами, захватывающими власть в слабо защищенных городах юга. Из-за войны появились новые территориальные границы, где по разные стороны баррикад вооруженные силы АПЭП и разрозненных южных стран сражались против террористов. Но опаснее пограничных столкновений оказались культурные противоречия: к приезжим в Альянсе старались относиться с пониманием, но традиции и национальные ценности постепенно превращались из повода для гордости и взаимного уважения в повод для уличных драк, тяжелых преступлений и митингов, проводимых у стен Парламента.

Примером ухудшения общественного благополучия и доверия между гражданами стали изменения в законах. Когда Джеймс Brent только готовился стать полицейским, защитникам правопорядка выдали новую темно-синюю полицейскую форму в виде удлиненного кителя из пуленепробиваемого, непрокальваемого материала и разрешили на свое усмотрение применять оружие в крайних случаях, угрожающих жизни и здоровью законопослушных граждан. С тех пор полицейских боялись как огня, поскольку по другому закону, лишь они имели право носить оружие в пределах столицы АПЭП. Линтон сильно поменялся, перестав быть местом мечты и реального достатка, и превратился, по сути, в осажденный город. Многие жители Линтона так боялись, что разделят незавидную участь горожан на пограничных территориях АПЭП, где селились беженцы, что стали пренебрежительно относиться даже к тем приезжим, которых знали не первый год.

Поступив на службу, Джеймс со временем привык к непрерывному потоку сообщений о преступлениях. Он неоднократно вмешивался в разгорающиеся опасные споры между жителями Линтона и переселенцами, нередко рискуя собственным здоровьем, а в удачные дни успевал на места происшествий до напрасных драк и возможного кровопролития. Обычной идентификации личности через полицейские электронные очки и детальных расспросов хватало, чтобы горожане опомнились и почувствовали над собой незримую руку закона.

Пока Джеймс следил за порядком в выделенном секторе, он невольно печалился заметным переменам. Дети стали редко играть на улицах, горожане не любили гулять в общественных местах, а праздничные прогулки превращались в столкновения. Наступившей хмурой осенью настроение людей становилось таким же пасмурным, и никто не замечал ярких красок садов и общественных парков, за которыми старательно ухаживали городские службы.

Проезжая мимо одного из парков, освещенных огнями вечерних фонарей, Джеймс увидел небольшую группу подростков, при виде полицейской машины вдруг разбежавшихся в разные стороны. С хмурым видом припарковавшись у обочины, Джеймс быстро вышел из машины и увидел, что у входа в парк лежал избитый темнокожий мальчишка не старше десяти лет. Дети постарше разбили ему губу и рассекли бровь. Попытавшись было помочь мальчику встать, Джеймс удивленно убрал руку, когда ребенок резко отпрянул от него в сторону и прижался к ограде парка. В его потертой старой одежде виднелись дырки, грязь давно превратила белые кроссовки в жалкое подобие обуви, но больше всего Джеймса задел взрослый взгляд карих глаз. Мальчику было больно, но он не плакал и, несмотря на свое состояние, не собирался так просто доверять незнакомцу, пускай тот и был в полицейской форме. Проверка личности через сканер очков могла еще больше напугать пострадавшего мальчика, и Джеймс решил пойти другим путем, присев перед ним на корточки.

– А ты молодец, что вытерпел их удары, – произнес уверенно Джеймс, – достанься так кому-то из них, наверняка бы разрыдались в три ручья.

Мальчик еще тяжело дышал, но, казалось, успокоился, а в карих глазах мелькнула задорная искра. Заметив перемены в настроении ребенка, Джеймс коротко улыбнулся и вновь протянул мальчику руку, чтобы помочь ему встать.

– У тебя идет кровь, а у меня в машине есть средство, чтобы обеззаразить ранки, – сказал Джеймс.

Не сразу взяв протянутую руку, мальчик встал на ноги и побрел за Джеймсом к его машине, с опаской озираясь по сторонам. Кто-то с пренебрежением смотрел на них из окон близлежащих домов, а одна домохозяйка, грозно сверкнув медового цвета глазами, громко возмутилась происходящим, когда увидела, что полицейский решил помочь мальчику вместо того, чтобы его арестовать. Даже бредущие вдалеке прохожие оборачивались на них, кто с любопытством, кто с нескрываемым презрением, и от этих взглядов мальчику стало не по себе. Джеймс тем временем игнорировал недоброжелательные взгляды, хоть и явственно их чувствовал. Он открыл дверцу машины и уверенно указал ребенку на пассажирское сиденье. Запрыгнув внутрь и устроившись в салоне лицом к стоящему на улице Джеймсу, мальчик забыл о неприятных взглядах и начал рассматривать панель управления округлившимися от интереса глазами.

– Как тебя зовут? – спросил Джеймс, вытаскивая аптечку с блестящей надписью «Инноген».

– Фараи, – ответил мальчик, внимательно взглянув на Джеймса и антисептик, которым тот принялся обрабатывать его разбитую губу и кровоподтек на брови.

– А меня Джеймс... Потерпи, сейчас пройдет, – произнес Джеймс, беспокоясь, что ребенок сорвется с места, чтобы не чувствовать боли.

– Я уже не первый раз дерусь, – улыбнулся Фараи.

– Ну, раз ты не первый раз дерешься, значит, нам будет о чем поговорить по пути к тебе домой, – наставническим тоном заявил Джеймс, вернув аптечку на прежнее место. – Пристегнись!

Джеймс захлопнул дверь, обошел машину и сел за руль.

– Где ты живешь? – спросил он, следя за дорогой, когда машина тронулась с места.

– В приюте, – ответил Фараи. – Я хотел собрать деньги и купить еду для себя и остальных в парке, но не успел.

– Собрать деньги? – удивился Джеймс. – Приюты финансируют, у вас должно быть много и еды, и одежды...

– Наш приют жил за счет благотворительности... Теперь нет, – пожав плечами, ответил Фараи, глядя в окно на город. Посмотрев на мальчика, Джеймс слегка качнул головой, продолжив следить за дорогой.

– Значит, ты голодный, не так ли? – поинтересовался он нейтральным тоном.

Фараи кивнул.

– Очень. Но у меня нет денег, чтобы покупать еду, я ничего не смог собрать из-за тех мальчишек, – честно признался Фараи, на что Джеймс усмехнулся.

– Зато у меня есть. Пока меня не вызвали по работе, надеюсь, успеем купить что-то твоим друзьям в приюте, согласен? – спросил Джеймс, с улыбкой взглянув на Фараи.

Казалось, Фараи сначала не поверил в то, что услышал, а потом заулыбался и так сильно закивал, что Джеймс невольно рассмеялся.

– Отлично, тогда едем в кафе, – сказал он, включив в панели управления навигатор, и выбрал ближайшее к ним заведение.

Когда за окном показалась вывеска кафе «Алхимик», Фараи снова взглянул на Джеймса, словно ожидая разрешения покинуть машину. Кивнув, Джеймс вышел из машины сам и внимательно осмотрев улицу, повел Фараи под крыльцо здания.

Стоило ему открыть двери, как они почувствовали запах сладкой выпечки и кофе. За рядами столиков расположился прилавок, заставленный самыми разными кулинарными шедеврами от небольших кексов и пончиков до тортов и большого ассортимента мороженого с разной начинкой. Подбежав к прилавку, Фараи засмотрелся на продукцию кафе, совсем забыв о владельце заведения. Пухлый и седовласый мужчина в фартуке, увидев ребенка, сразу же замахал на него руками.

– Здесь тебе нечего делать! Убирайся! Кыш! – заголосил он, но когда заметил Джеймса, обратился к нему со скорбной миной:

– Офицер! Выведите этого оборванца из моего кафе! Он отпугнет моих клиентов!

Расстроенный Фараи встал рядом с Джеймсом, виновато поникнув головой.

– Кажется, вы и без него их успешно отпугнули, – бегло осмотрев пустое заведение, произнес Джеймс, удивленный поведением продавца.

– Я не обслуживаю бедняков! – воскликнул седовласый мужчина, поправив очки на носу. Недобро сверкнув разноцветными глазами, мужчина начал резко протирать прилавок от грязных следов на стекле, оставшихся после Фараи.

– Иди-ка, сядь... – не глядя на Фараи, тихо сказал Джеймс, легонько подтолкнув мальчика в сторону столиков.

– Эй! Я же сказал! Вы что делаете?! – возмутился продавец. В ответ Джеймс коснулся очков, быстро просканировав лицо мужчины, и вскоре иронично усмехнулся.

– А вы немного похудели, надо сказать, мистер Эрл Вилфрид, – произнес Джеймс, рассмотрев фотографию профиля в полицейской базе данных. – Видимо, дополнительный доход сократился... Распространение наркотиков? – риторически спросил Джеймс, выключив показ данных на очки, и глумливо улыбнулся. – Кажется, я чувствую подозрительный запах. Вы ведь живете этажом выше? Не против, если я проверю помещение?..

– Что?.. Да как вы... – промямлил Вилфрид, со страхом в глазах уставившись на Джеймса. – Я уже давно этим не промышляю! – прошипел он, наклонившись над прилавком.

– Тогда только от вас зависит, что я унюхал, запах специй или наркотиков, – невозмутимо заявил Джеймс.

– П-присаживайтесь, – выдавил из себя Эрл, взяв с прилавка меню. Джеймс улыбнулся и сел за стол рядом с Фараи. Мальчик все еще выглядел расстроенным, но при виде меню сразу забыл о произошедшем инциденте. Сделав заказ, Джеймс откинулся на спинку стула и заметил в верхнем углу телевизор.

– Не могли бы вы сделать звук громче? – попросил Джеймс, указав на экран, где начались вечерние новости. Вилфрид молча прибавил звук, нажав кнопку на пульте, и ушел на кухню.

«...о политике, – вещал ведущий новостей. – Приближающийся день очередной сессии Генеральной Ассамблеи Альянса продовольственной и энергетической политики – самое ожидаемое событие года для АПЭП, как гласят заголовки первых страниц многих известных мировых изданий СМИ. Такое острое внимание объясняется предположением, что на съезде впервые с двухтысячного года будет обсуждаться принципиально новая редакция резолюции, известной как „Декларация тысячелетия“, которая должна будет изменить политическую конъюнктуру АПЭП...»

Вернувшись с подносом с чаем и булочками, Вилфрид с демонстративно недовольным видом уложил все блюда и тарелки на стол перед Фараи и Джеймсом.

Тем временем ведущий телевизионных новостей передал слово репортеру, работающему на границе Альянса:

«...Да, как вы можете видеть, беженцы находятся в нечеловеческих условиях, – сказал репортер, пока его снимали на фоне рядов палаток и столпившихся неподалеку южан, с опаской поглядывающих на сотрудников СМИ. – Лагерь образовался сам собой, когда пограничные

войска Альянса заблокировали пропускной пункт в целях безопасности, чтобы не пропустить на территорию АПЭП террористов, маскирующихся под мирных горожан...»

Джеймс не обратил внимания на угрюмое лицо Вилфрида и лишь кивнул ему в знак благодарности, неотрывно глядя на экран телевизора. Вилфрид фыркнул и ушел к прилавку готовить оставшуюся часть заказа, а Джеймс продолжил неотрывно смотреть новости. Он сочувствовал пострадавшим из-за войны людям, но стоило в кадре промелькнуть военным АПЭП, стерегущим высокую ограду, которая отделяла лагерь беженцев от пограничного пункта, как вдруг Джеймс переменился в лице, заметно помрачнев.

«Многие политики уже выступили с заявлениями, что в сложившихся военных условиях необходимо принимать особенные меры по достижению желаемого мира всеми сторонами конфликта, что невозможно при разрозненном подходе к вопросу. Участники Альянса на состоявшейся вчера пресс-конференции согласились, что необходима взаимопомощь не только правительств, но и действующих на международном уровне компаний и организаций. В условиях войны с террористическими формированиями, распространяющими свое влияние у самых границ АПЭП, вопрос гуманитарной помощи пострадавшему населению становится первым в повестке дня. С резкой критикой относительно жестоких военных операций выступает оппозиция и национальные...»

– Где-то там мой папа, – грустно произнес Фараи, держа в руках булку. Вспомнив о чем-то своем, мальчик перестал есть. Джеймс отвлекся от экрана телевизора, на котором показали крупным планом руководительницу фонда «Инноген» на пресс-конференции по поводу происходящих на юге событий. Медового цвета глаза женщины были полны уверенности, и говорила она властным тоном, но вслушиваться Джеймс не стал, взглянув на опечаленное лицо Фараи.

– Не пропустили?.. – спросил Джеймс.

Фараи кивнул.

– Меня бы тоже не пропустили, но я болел, и меня пожалели какие-то тети из благотворительного фонда, – ответил Фараи.

Сочувственно улыбнувшись, Джеймс пододвинул к Фараи чашку с горячим шоколадом.

– Фонд «Инноген». Там работает моя сестра, – сказал Джеймс.

– Значит, вы оба хорошие, – произнес уверенно Фараи, грея руки об чашку. – Жалко, что таких здесь мало... – добавил он, подняв боязливый взгляд на все еще угрюмого владельца кафе.

Выполнив весь заказ, Вилфрид положил на прилавок пакет с булочками и прочими сладостями, которые Джеймс собирался забрать на вынос. Джеймс встал из-за стола и отошел к прилавку, чтобы оплатить счет, а потом повел доевшего все до последней крошки Фараи на улицу, вручив ему пакет сладостей для других детей из приюта.

Они сели в машину, Джеймс отъехал от кафе и набрал по коммуникатору в панели управления машины короткое сообщение о подозрительном продавце. Заметив текст сообщения на дисплее, Фараи удивленно улыбнулся. Джеймс подмигнул мальчику и отправил послание в ближайший полицейский участок.

– Лишним не будет, – улыбнувшись, сказал Джеймс. – Теперь пора делиться сладостями. Где ты живешь?

Фараи назвал Джеймсу адрес, и спустя полчаса они были в одном из самых густонаселенных переселенцами кварталов. Не удивляясь озлобленной реакции прохожих на помеченную полицейскую машину, Джеймс доехал до указанной Фараи двери и открыл дверцу машины, чтобы выпустить ребенка из салона. В тот же момент из дома навстречу им выбежала испуганного вида темнокожая женщина. Схватив Фараи, она заговорила с ним на своем языке, но Джеймс смог понять по ее удивленным карим глазам, что она спрашивала о визите поли-

цейского, ссадинах на лице мальчика и пакете из кафе. Решив, что мальчика встретила хозяйка приюта, Джеймс остался в стороне и дождался, когда она убедится, что ребенок в порядке.

– Спасибо! – помахав рукой на прощание, Фараи побежал в дом, а женщина осталась стоять на месте.

– Спасибо и от меня, – положила руку на сердце, сказала незнакомка.

Джеймс кивнул, а потом, задумавшись, вытащил из кармана блокнот, быстро начеркал на листке имя и номера телефонов и отдал листок женщине.

– Если вдруг понадобится какая-то помощь или Фараи снова будет драться, дайте знать. И не давайте ему попрошайничать. Боюсь, в следующий раз это может плохо кончиться. Второй номер – это социальная служба, быть может, приютом заинтересуются и...

Хозяйка приюта вымученно улыбнулась. Джеймс видел, что она была благодарна, хоть и не хотела говорить вслух, что надежды по социальному обеспечению в условиях войны и недоброжелательности граждан к беженцам и всем, кто не похож на основную массу населения, напрасны. Без слов поняв, о чем улыбалась хозяйка приюта, Джеймс опустил взгляд, собрался с духом и слабо улыбнулся на прощание, после чего сел за руль машины и отправился продолжать дежурство.

Отправившись в путь, Раниеро гадал над тем, зачем его вызвали в столицу. В приказе не было ни слова о причине, не было и намека на возможную участь, что поджидала его в королевском замке. Алистар был прав, полагая, что кто-то мог написать и генералу, и королю Раанану о его жестком управлении Громовым фортом. Раниеро не боялся отвечать за свои поступки и решения, принятые им на должности командира, но опасался, что клеймо возможного позора заденет и его сестру Люцию. Люция как первая прислужница королевы Зарии жила беззаботной жизнью, и меньше всего на свете Раниеро хотел навлекать на нее беду, едва появившись дома.

Сердце Басилеи было его домом много лет подряд, пока не началась военная служба в пограничных фортах королевства. Но покинув столицу, Раниеро понял, что был привязан совсем не к городу, а к той единственной эна, которая ждала его назад. Люция часто прилетала проведать старшего брата, отпрашиваясь у королевы, чем скрашивала тревожные дни войны, но последние годы их связывали только письма. Раниеро запретил Люции прилетать на южную границу, не зная, чем может обернуться грядущий день, учитывая беспокойную обстановку с воинственными арья. Поэтому, думая о предстоящей встрече с Люцией, он торопился как можно скорее добраться до Сердца Басилеи, несмотря на сгущающиеся сумерки и свою тревогу.

Вскоре впереди показался сияющий светом силуэт города, и Раниеро невольно остановился в воздухе, плавно взмахивая крыльями, чтобы рассмотреть пейзаж. Казалось, Сердце Басилеи состояло из ярких мерцающих звезд, затмевая те, что сияли на небе. Кругом светились спифы, свет лился из окон домов, а волшебные чары то и дело освещали расположенный ближе всего к городским воротам Радужный сад. Сами ворота, тянущиеся к облакам, также сверкали, но не золотом, как хранимый ими город, а серебром защитных чар, наложенных первыми правителями Басилеи сотни лет назад. Никто из эна не мог проникнуть в Сердце Басилеи без ведома городской стражи, стерегущей четыре высоких прохода в столицу, а также простирающиеся над городскими стенами небеса и нижние ярусы летающих островов у самого барьера.

Подлетев к южным воротам, Раниеро приземлился к стражникам и показал королевский приказ. Стражники не предполагали, кем является путник в темных походных одеждах, и только когда просмотрели текст письма, удивленно переглянулись и вытянулись по струнке, с почтением открыв для Раниеро проход. Расправив крылья, Раниеро отправился дальше, летя

близко к земле, чтобы рассмотреть неизменно прекрасную столицу. Он помнил город, но после долгого отсутствия и службы в Громовом форте заново восхищался всем, что видел на своем пути. Подобно золотым кружевам, мощные спифами дороги устремлялись вдаль от городских ворот к обрывам, теряющимся в облачной дымке. И ниже, и выше на сотнях островков, летающих в воздухе, располагались дома и улицы эна. Как стаи птиц, они стремились каждый по своим делам. Кто-то от огромной, едва ли меньше замка, центральной площади к главному крытому рынку-эмпориуму, кто-то к окраинам на фермы и пастбища, а кто-то просто отдохнуть перед сном в цветущие парки, соединенные меж собой реками, что падали с уступа на уступ десятками искристых водопадов. Высокие деревья пестрели золотистой осенней листвой, а некоторые заросли в непроходимые леса, среди которых порой можно было заметить диковинных, опасных и не очень, животных и птиц.

Большинство островов было соединено висячими и каменными мостами. Некоторые постоянно плавали и меняли свое положение на небосклоне, поддаваясь силе волшебного ветра или притяжению замка, к которому тяготели все земли вокруг крепости. Вскоре под Раниеро засияло чистое озеро, названное когда-то давно Кристальным, а где-то вдалеке блеснула круглым золотым куполом Обсерватория, в которой начиналась работа по изучению небосклона и далеких звезд. Бросив взгляд на Обсерваторию, Раниеро увидел расположенный неподалеку Храм Света, кристальные стены которого, казалось, сияли даже в непогоду.

Но, несмотря на представшую перед его глазами красоту Сердца Басилеи, Раниеро не смог даже на время забыть о тех местах за пределами столицы, где провел большую часть своей долгой жизни. Его взгляд устремился еще дальше, на запад, туда, где за облаками начинались Темные земли. Пограничные территории давно превратились в поля сражений, и нередко темная сила оказывалась далеко в тылу и вынуждала эна отстаивать ставшие шаткими границы. Мгла существовала всегда, сколько Раниеро себя помнил, но никогда прежде она не была столь сильной. Торговцы из Сердца Басилеи, прибывшие в Громовой форт, говорили, что даже сам генерал Вителиус вынужден был отправиться в Закатный форт на западе, чтобы разобраться в ситуации с темными тварями.

Возможно, Люция увещевала его в своих многочисленных письмах не напрасно. Раниеро знал, что большую часть времени на службе он проводил на опасной грани между жизнью и смертью, нередко по собственной воле, чтобы выиграть сложный бой или разведать нужную информацию. Ему везло, с годами накопился опыт, но так могли сказать далеко не все солдаты, ушедшие на границу королевства воевать с Мглой и арья. Слишком много эна пропало за пределами укреплений. И слишком много ужасов возвращалось из искореженных Мглой дебрей и болот, что раньше были цветущими лесами и озерами не менее красивыми, чем Радужный сад или защищенное магией Кристальное озеро в Сердце Басилеи. Там, за пределами, где свет терялся и таял, эна гибли нередко в страшных муках, а выжившие поневоле теряли надежду... Потому многие солдаты, как и Раниеро, сильно сомневались в том, что после последнего сияния их кристаллы становились частью Света, а не того мрака, что загонял их постепенно в тиски. Тяжело было сохранять безукоризненную веру, когда перед глазами все время стыла Мгла.

Задумавшись о том, как близко подступала Мгла к их поселениям, Раниеро почти удивился тому свету, что озарял с виду воздушные стены королевского замка. Приземлившись перед высокими тяжелыми воротами крепости, Раниеро снова показал приказ часовым.

– Добро пожаловать домой, лучезарный! – поприветствовал его один из стражников, вернув Раниеро приказ. Махнув рукой стерегущей охране по другую сторону ворот, стражник провел Раниеро во внутренний двор замка. – Никто не знал, когда вы прибудете, поэтому лучезарная Люция просила передать, что будет ждать вас либо в саду, либо в ее покоях.

– Благодарю, – коротко улыбнулся Раниеро, с невольным волнением проходя в освещенный волшебными огнями сад. Днем в королевском саду часто бывали праздники, а по вечерам

жители замка могли гулять, петь и танцевать. К ночи лишь редкие эна оставались во дворе замка, чтобы посмотреть на звезды, поэтому Раниеро полагал, что компанию ему составят разве что яркие светлячки. Озираясь по сторонам, Раниеро шел вперед, любуясь красотой ухоженного сада, как вдруг услышал голос своей сестры. Люция любила отдыхать среди цветочных клумб и прирученных правителями животных и птиц, но в этот раз она была не одна, и Раниеро невольно прислушался к разговору.

– Я уже говорила, почему нет, – учтивым тоном обращалась она к кому-то, кто, несмотря на отказ, все равно настаивал на своем.

– Лучезарная, но ведь это глупость! Зачем вы отказываетесь от любой искры симпатии? – не менее учтивым, но более настойчивым тоном возражал ей чей-то мужской голос. Раниеро сощурил глаза и уверенным шагом направился в сторону раздающихся голосов к высокому раскидистому дубу в центре сада. Издали заметив, как хрупкая на вид белокурая эна в белой тунике обходит дерево, преследуемая по пятам навязчивым ухажером, Раниеро качнул головой, решив вмешаться.

– Что ж, тогда я повторюсь, искра симпатии засияет лишь тогда, когда найдется храбрец, который сразится с моим братом на дуэли и одолеет его в честном поединке, – уверенно заявила Люция, продолжая обходить дерево, чтобы кавалер ее не видел и не мог нагнать. – Таков был мой с ним уговор, и я не собираюсь его нарушать даже ради столь одаренного барда как вы, лучезарный!

– Эти сложности как тернистые стебли на пути к счастью, вы их взрастили своими руками и лишь вам дано их уничтожить! К тому же лететь на заставу ради дуэли... Это... Это...

Заговорившись и засмотревшись на крону дуба, словно пытаясь найти в позолоченной листве нужное слово, чтобы закончить свою фразу, незнакомец вдруг врезался в преграду, которой оказался Раниеро. Будучи на голову выше ухажера Люции, Раниеро презрительно усмехнулся.

– Вам улыбнулась удача, – холодным тоном произнес Раниеро, скидывая на траву походный мешок. – Я сам прилетел.

Услышав знакомый голос, Люция оббежала дуб и застыла на месте, увидев своего старшего брата.

– Нэро! – воскликнула она, засияв от счастья.

Радостных чувств Люции по поводу возвращения ее защитника потенциальный ухажер не разделил. Бард, не обладающий никакими умениями, кроме дара красноречия, в дуэли с опытным воином не вынес бы и одного удара, что, видимо, вдруг ярко представил и испуганно отошел в сторону.

– П-простите, лучезарный!.. П-пожалуй, я п-поищу свою искру взаимности в другом месте... – промямлил он неловко, поспешно улетев из сада. Проводив неудавшегося кавалера Люции недобрым взглядом, Раниеро чуть не упал от неожиданности.

– Нэро! Я так скучала! – в полете ринувшись на Раниеро, Люция крепко к нему прижалась и закрыла обоих крыльями.

– Здравствуй, Лучик! – неловко улыбувшись, сказал Раниеро. Он успел отвыкнуть от своего сокращенного имени, ведь только Люция с самого детства называла его Нэро, что со временем стало ее почетным правом и нерушимой традицией. Наконец осознав, что действительно вернулся домой, Раниеро тихо рассмеялся и стиснув Люцию в объятьях, покружил ее на месте.

Люция не хотела отпускать Раниеро и поцеловала его в щеку, заулыбавшись при виде ярко засиявшего узора, появившегося на его коже в месте поцелуя.

– Я тоже очень скучал, – произнес Раниеро, засмотревшись в яркие серые глаза Люции, вдруг блеснувшие от слез.

– Ну не на-а-адо, не плачь, – протянул Раниеро, уже зная, из-за чего расстроилась Люция.

– Два новых шрама, один глубокий! – возмутилась Люция, повиснув в объятиях Раниеро, и обиженно надула щеки. – Ты не даешь лекарям себя вылечить во время боя! А я бы и не спрашивала разрешения!

– Именно поэтому ты прислужница королевы, а не рядовой лекарь на заставе, – заявил Раниеро, плавно опустив Люцию на землю. – Мне проще получить пару ран, чем потом писать семье погибшего лекаря, что он не вовремя кинулся спасать мне лицо от шрамов...

– У меня есть только ты! – все еще возмущалась Люция. – Писать бы не пришлось!

– И у меня есть только ты, так что оставь эту глупую идею, – ответил мягко, но уверенно Раниеро и поцеловал сестру в лоб. Казалось, что от этого прикосновения вдруг ненадолго проявился сияющий выющийся ободок, увенчавший голову Люции.

– Лучше расскажи, зачем меня вызвали в столицу? – спросил Раниеро, пытаясь непринужденно улыбаться, несмотря на волнение. – В приказе явиться не было никаких объяснений того, за что меня сняли с поста командира...

Заметив, как быстро поменялось настроение Люции, Раниеро нахмурился.

– Люция?..

– Нет! – замотав головой, Люция зажала себе рот руками, чтобы скрыть широкую улыбку, а после захихикала, взяв Раниеро под локоть. – Нет, я ничего не скажу, завтра все узнаешь! – заявила Люция и поволокла Раниеро за собой к парадному входу в замок.

– Ты все знаешь! Да в чем дело? – удивленно спросил Раниеро, еле успев подобрать с земли сумку. Люция в ответ рассмеялась, продолжая уверенно вести Раниеро к раскрытым широким дверям в просторный яркий вестибюль.

– Я подготовила для тебя комнату рядом со своей! – произнесла Люция воодушевленным тоном, словно не слыша вопроса Раниеро. – Попыталась ее немного украсить, надеюсь, ты не против цветов?.. Помнишь наши старые игрушки? – спросила Люция, сияя от радости. – Я до сих пор играю в тех солдатиков, что ты оставил мне в подарок! – улыбнулась она, увидев, каким забавным показался ей растерянный Раниеро. – А ты расскажешь поподробнее про ту самую страшную битву с арья? Раньше ты так не скромничал о своих победах!

Раниеро неуверенно шагал вслед за Люцией, оглядываясь по сторонам. Несмотря на подступающую ночь, замок был освещен так, что казалось, в нем поселилось само солнце. Расходящиеся по своим покоям обитатели крепости с интересом оглядывались на счастливую Люцию и ее хмурого спутника.

– Ох, Лучик, ну зачем тебе это слушать, – попытался было воспротивиться Раниеро, не заметив кого-то на своем пути в коридоре. Задев незнакомца плечом, Раниеро поспешил извиниться.

– Простите, лучезар... ная, – засмотревшись на прошедшую мимо в компании нескольких гвардейцев рыжеволосую королевскую стражницу, Раниеро невольно удивился тому, что ему самому уделили немало внимания. Гвардейцы вдруг остановились на полпути и начали о чем-то перешептываться.

– Так, что здесь происходит? – сощутив глаза, спросил Раниеро у Люции, замедлив шаг.

– Не я одна ждала твоего прибытия, мой лучезарный брат! К тому же, твоя репутация тебя опередила, – заявила Люция, обойдя Раниеро со спины, и мягко затолкала его в соседний коридор подальше от любопытных взглядов гвардейцев. – Не каждый день в замок прибывает герой!

В кафе всюду раздавались приглушенные голоса, в воздухе витала атмосфера уюта, запах пряностей и кофе, а тихая музыка с легкой дробью капель дождя по стеклу служили прекрасным фоном для задумчивости. Посетители заведения приглушенно общались между собой,

сверкая экранами планшетов и смартфонов, а Амелия Brent-Колдвелл смотрела в расцвеченное бликами окно, сидя в одиночестве за самым крайним столиком, и грела руки о чашку чая, наблюдая за тем, как проезжают по мокрой дороге машины. Порой глядя на свое отражение в легкой белой блузке-безрукавке и прямой бежевой юбке, чтобы заправить за ухо прядь белокурых волос, Амелия старалась разобраться с чувствами, охватившими ее с того самого момента, как она получила сообщение о подтверждении встречи, и невольно волновалась, напряженно всматриваясь в прохожих, идущих мимо заведения. Она представляла, как вдруг один из них замедлит шаг, улыбнется ей и махнет рукой, а она удивится и улыбнется в ответ. От одной только мысли ее сердце невольно замирало, ведь Амелии казалось, что она забыла, как выглядел ее старший брат, и боялась пропустить его появление.

У обоих были выходные, отпуска и праздники, но всякий раз, когда в голову Амелии приходила мысль пригласить Джеймса в гости или вместе с ним отправиться куда-то на прогулку или в то же кафе, она находила тысячу причин, чтобы отложить встречу на потом, словно не имела морального права побыть с ним рядом и вспомнить детство. В безосновательном страхе побеспокоить единственного родного человека, в жизни которого для нее уже, быть может, не было ни свободного времени, ни места, пролетело несколько долгих лет. Амелия винила себя за то, что отчего-то верила, будто просто избавляла и себя, и Джеймса от ненужных сконфуженных оправданий, связанных с другими планами или работой, и теперь с тоской осознала, каких усилий воли и даже храбрости стоило заставить себя, наконец, сделать шаг навстречу. Грустно вздыхая, Амелия думала, что раньше все в ее жизни было намного проще и потому, как ей казалось, лучше, несмотря на все достижения и успехи на работе, о которой она мечтала еще со школы.

Став ведущим научным сотрудником медицинской лаборатории при фонде «Инноген», она так погрузилась в работу, что совсем забыла о том, ради чего хотела стать медиком в первую очередь. После трагедии, унесшей жизни родителей, Амелия ни дня не чувствовала себя одинокой и брошенной, ведь Джеймс заменил ей целый мир и окружил такой заботой, благодаря которой Амелия позволила себе мечтать о светлом будущем не только для себя, но и для брата, и в целом для всех жителей планеты. Мечта разработать средство для лечения любых ран и болезней стала для нее заветной, несмотря на детскую наивность, легшую в ее основу. Мечта лишь окрепла, когда Джеймс поступил на службу в полицию, а Амелия узнала, какие опасности поджидали ее старшего брата на его работе.

Джеймс ничего не смыслил в науке, но именно он поддержал Амелию в ее желании стать медиком. Он помог ей не думать о каких-то других заботах, кроме как об учебе и научной деятельности, и в итоге Амелия добилась того, о чем грезила в детстве, получив высокую должность и уважение коллег в лаборатории при самом передовом международном благотворительном фонде. Но без Джеймса, всегда оказывающего ей поддержку, все ее старания и достижения вдруг показались самой Амелии едва ли стоящими времени и сил. И поняла она это именно тогда, когда была на пороге одного из самых крупных открытий, быть может, последних ста лет, отчасти испугавшись, что следующий важный шаг в своей жизни сделает без Джеймса. Этот шаг, каким бы важным он ни был, просто потерял бы для нее свою ценность, как несколько лет назад потерял свою ценность и приобрел налет грусти самый важный день в ее жизни – день свадьбы, когда она стала Амелией Колдвелл.

Тогда Амелия впервые почувствовала, как все вокруг нее меняется, словно она набирала подобно птице высоту и терялась среди холодных облаков, вдруг оставшись одна, без покровителя, которым всегда был ее брат. Джеймс отстранился от ее жизни, занявшись своей работой и повышением по службе, а Амелии было неловко его тревожить, чтобы заполнить, казалось, возникшую дыру в груди. Она знала, что Джеймс не отмахнулся от нее раз и навсегда, а если потребуется, непременно будет рядом в трудную минуту, и потому была благодарна за одну

только возможность в случае чего позвать его на помощь, хоть Амелии и не пришлось ею воспользоваться за все те годы, что она была замужем.

– Здравствуй, Лучик, – вдруг раздался знакомый низкий голос, и Амелия растерялась от неожиданности, подняв удивленные серые глаза на подошедшего к ее столику высокого мужчину с короткими пепельно-русыми волосами и с детства знакомой улыбкой. Джеймс всегда называл ее «Лучиком», и Амелия действительно засияла, увидев Джеймса. Он почти не поменялся со дня последней встречи, только в его зеленых глазах Амелия заметила непривычную грусть, которую никогда прежде не видела. Сердце застучало быстрее от тревоги, но Амелия не дала беспокойству проявиться на лице и ласково улыбнулась в ответ.

– Здравствуй! – встав на ноги, произнесла Амелия, скромно поцеловав Джеймса в щеку. Джеймс осторожно ее приобнял и поспешно отпустил. Пока Джеймс вешал куртку на спинку стула и устраивался за столом, Амелия не могла оторвать от него почти испуганного взгляда.

– Как ты? – совладав с чувствами, спросила Амелия, устроившись напротив Джеймса. Она была так рада его видеть, что боялась показаться излишне взволнованной и сдерживала счастливую улыбку, внимательно следя за каждым жестом и взглядом Джеймса, будто навёрстывала упущенное в разлуке время.

Но присмотревшись к Джеймсу, Амелия заметила, что он был чем-то скован и явно не хотел говорить вслух о том, о чем думал, пытаясь скрыть от нее свое плохое настроение. Решив, что верно истолковала тяжелый вздох Джеймса в ответ на свой вопрос, Амелия расстроилась, но не подала виду и мысленно понадеялась, что это не она была причиной хмурости старшего брата.

– Ничего особенного, работа выматывает, как всегда, – сказал Джеймс, взглянув сначала через дождливое окно на свой припаркованный у дороги автомобиль, а потом на робко улыбающуюся ему Амелию.

Рассказывать Амелии подробности Джеймс не хотел, ведь он и сам не знал, как себя чувствовал последние дни. Встреча с Амелией выбила его из привычного распорядка дня, но оказала и более глубокий эффект, от которого речь стала короткой, а настроение сдержано вежливым, будто он шел посидеть в кафе не с родной сестрой, а с кем-то посторонним, кого надо было уважить беседой. Ощущение отстраненности и неестественности происходящего пришлось прятать за учтивой улыбкой.

– А ты как?.. И Седрик? – спросил Джеймс, когда к ним подошла разносчица, положив на стол меню. Джеймс сразу отдал меню назад, заказав себе чай, а у Амелии появилось несколько секунд на раздумья, как ответить на заданный ей вопрос о муже.

Еще со школы Джеймс и Седрик были неразлучными друзьями, и Амелия поневоле общалась с лучшим другом брата, постепенно в него влюбляясь. Чувства оказались взаимными, и когда настала пора выпускных в колледже, они поняли, что их чувствам не преграда даже предстоящая разлука: Седрик пошел в армию. А по возвращении сделал Амелии предложение, и все бы было замечательно, не решился он снова отправиться сражаться, но уже по контракту. Любовь Амелии оказалась весомее предостережений Джеймса о возможных последствиях как для самого Седрика, так и для нее, учитывая, какую дурную славу обретали зарабатывающие войной солдаты. Если призванных на службу в армию АПЭП еще могли пощадить южане, имеющие какие-то свои представления о воинской чести, то солдат, получающих деньги за отнятые и покалеченные жизни, террористы убивали без вопросов. Возможная опасность того, что Седрик умрет на войне и оставит Амелию вдовой с разбитым сердцем, не выходила у Джеймса из головы даже когда она обменивалась с Седриком кольцами у алтаря. Теплые отношения между старыми лучшими друзьями превратились в воспоминание, и, чтобы не портить и без того неловкий разговор, Амелия решила не вдаваться в детали о Седрике.

– Он недавно был в городе, хотел поведать, – тихо ответила Амелия, немного покраснев от нахлынувших на нее воспоминаний о дне, когда Седрик вернулся ненадолго домой, и опустила взгляд в свою чашку чая, которую медленно вертела на столешнице.

– По крайней мере, жив и здоров, а все остальное я попросила не рассказывать, – неловко улыбнувшись, добавила Амелия, украдкой взглянув на Джеймса. Казалось, Джеймс ее не слушал, глядя в окно, но кивнул в ответ, после чего наступила тяжелая пауза. Амелия не решалась продолжить беседу, ведь про самочувствие и работу Джеймса она уже знала, а других формальных поводов заговорить как будто не осталось. Но больше всего ее расстраивала необходимость их искать, словно они не могли поговорить как прежде, обо всем на свете, что приходило в голову.

– А я... Я соскучилась, – вдруг неожиданно для себя произнесла Амелия, искренне взглянув на Джеймса, словно надеялась, что ее слова не покажутся излишне откровенными или напрасными. Джеймс улыбнулся и снова кивнул.

– Я тоже соскучился, – сказал он коротко, опустив взгляд. Казалось, его и Амелию разделял не столик уютного кафе, а целая стена недоговоренных мыслей и идей, невидимых и потому столь угнетающих. Он давно перестал чувствовать себя вправе интересоваться жизнью Амелии, нашедшей семейное счастье, как бы он сам к нему не относился. Но желание оберегать и защищать Амелию никуда не делось, обернувшись от бессилия в тихую злость. И чтобы оградить от нее Амелию, Джеймс оградил сестру от самого себя, лишившись как поводов для злости, так и поводов для радости.

Решив, что слишком сильно погрузился в свои мысли, Джеймс шумно вздохнул, словно собирался с силами заговорить дальше.

– Расскажи, как твои успехи в лаборатории? – натянув на губы улыбку, спросил Джеймс. – Про «Инноген» стали столько говорить в последнее время, а я даже не могу толком похвастаться, что у меня там работает сестра, потому что ничего не знаю и едва ли что-то понял из недавнего репортажа Леклейра.

Амелия коротко улыбнулась в ответ, невольно коснувшись кулона на шее.

– Я веду несколько важных проектов, о которых по телевидению не говорят... Возможно, если все получится, мир, каким мы его знаем сейчас, изменится до неузнаваемости, – произнесла Амелия, глянув в окно на дождливое темное небо. К их столику вернулась разносчица, принесла заказ Джеймса.

– Куда уж больше, – сказал он, грустно усмехнувшись, когда разносчица ушла к соседним столам, – за пару лет все и так кардинально поменялось...

Амелия опустила взгляд, не решаясь смотреть на Джеймса. Говорил ли он о войне на юге или о том, о чем думала сама Амелия, боясь задевать тему ставших отчего-то тяжелыми отношений между ними? Она не знала, и потому горько усмехнулась, не решаясь гадать.

– Почти все, – мягко поправил сам себя Джеймс, заметив, как погрузилась Амелия. – Я рад, что ты все еще идешь к своей цели.

– Как иначе, ведь у меня был достойный пример перед глазами, вдохновляющий своим упрямством и уверенностью, – ответила Амелия, робко заулыбавшись, но заметив, как Джеймс пожал плечами, слегка нахмурилась от волнения, догадываясь, что что-то случилось.

Джеймсу было тяжело согласиться с утверждением Амелии, но он не стал отрицать ее слова, снова задумавшись о работе.

– К сожалению, мое упрямство не приносит результат, на который я рассчитывал, – сказал он, вспомнив Фараи и его приют, и потому невольно заговорил откровенно. Как прежде в юности, когда Джеймс и Амелия могли доверить друг другу все секреты, он не боялся быть не услышанным или непонятым, и неожиданно для самого себя вдруг захотел поделиться своими тревожными мыслями, чтобы отпустить хотя бы часть внутренних переживаний. Поделись он ими на работе, его бы упрекнули в неприятии общественного мнения, а Амелия никогда

и ни в чем его не осуждала, даже в редкие минуты его слабости, саму слабость словно не замечая.

– Порой мне кажется, что все бесполезно, – тихо произнес Джеймс, взглянув на посетителей кафе, уткнувшихся в свои гаджеты. – Я теряю веру в то, что в моей службе есть смысл, как и в службе всех остальных полицейских. Я уже не понимаю, кому служу...

Амелия с тоской посмотрела на старшего брата, услышав причину его тихой печали, которую заметила в родных зеленых глазах. Она словно разделила с Джеймсом груз его долга перед обществом, ответственности и тяжелых мыслей о работе. Но Джеймс действительно был для нее примером, и потому Амелия не позволила самой себе долго унывать и горделиво выпрямилась, собираясь напомнить Джеймсу, что не было ничего бессмысленного в том, чтобы стараться сделать их мир лучше.

– Без тебя и других офицеров наш город погрузился бы в самую беспросветную мглу, – произнесла Амелия, улыбнувшись от охватившей ее искренности и чувства уверенности в своих словах. – Я хвастаюсь, что мой брат полицейский, хоть ничего не знаю и едва ли что-то понимаю в твоей службе, – добавила Амелия, поймав на себе удивленный и засиявший взгляд Джеймса.

Вдруг на его телефон пришло сообщение, и Амелия невольно стихла, не желая беспокоить Джеймса, когда он потянулся в карман за мобильным. Заметив, как переменялось лицо Джеймса из-за прочитанного послания, Амелия не удержалась от вопроса:

– Что такое? – спросила она встревоженным голосом.

– Со знакомым случилась беда... – неловко и заторможено ответил Джеймс. – Ребенок попал в драку, надо торопиться, – произнес он, растерянно оглянувшись по сторонам. – Извини, мне надо уехать, я должен помочь.

– Я понимаю, удачи, – уверенно ответила Амелия, вставая из-за стола вслед за Джеймсом. Он оставил рядом с недопитым чаем деньги за себя и за Амелию, быстро стиснул пальцы ее руки на прощание и поспешил на улицу. Амелия осторожно села назад за столик. Вскоре она увидела через запотевшее окно, как Джеймс перешел дорогу и торопливо сел в машину, а про себя подумала, что даже сомневаясь, Джеймс делал то, что умел всегда – он поступал правильно, как бы трудно это ни было в их сложное время.

Сам Джеймс даже не задумывался о том, что поступал правильно, поскольку иного варианта для себя и не видел. Он пообещал, скорее самому себе, чем настоятельнице приюта, что отзовется, если с Фараи что-то случится, и собирался сдержать слово, потому что не мог иначе. Пользуясь тем, что у него был выходной, неуставная одежда и своя машина, Джеймс мог без лишнего внимания проехать в нужный район, где случилась драка, и мчался туда по пустым дорогам, стараясь добраться до места, пока не стало слишком поздно. Джеймс опасался за здоровье Фараи, особенно учитывая тот факт, что в прошлый раз избившие Фараи мальчишки разбежались, только когда подъехал помеченный полицейский автомобиль. Само спасение Фараи от побоища и, быть может, серьезных травм, могло разъярить молодых людей еще больше, чем попрошайничество в общественном парке.

Приехав по нужному адресу, Джеймс остановил машину за углом и поспешил на звуки борьбы, успев заметить, как в тени скрылось несколько человек. На мокром асфальте в пяточке света еще не разбитого фонарного столба лежал лицом в землю мальчик.

– Фараи! – испугавшись, что Фараи серьезно ранили, Джеймс подбежал к мальчику, упал рядом на колени и перевернул его на спину. Но стоило увидеть лицо ребенка, как Джеймс растерялся, не узнав темнокожего незнакомца. Он был примерно того же возраста, что и Фараи, без всяких видимых следов побоев. Вдруг Джеймс почувствовал острую боль в животе. Опустив взгляд, Джеймс увидел, как ребенок выдернул неловким движением нож и испуганно, но в то же время сердито посмотрел на него, словно ожидая реакции.

– Получай назад свою помощь! – крикнул кто-то из темноты с заметным акцентом. Незнакомый мальчик резко вскочил на ноги и побежал на голос человека, наблюдавшего за случившимся со стороны в тени переулка. – Никому из нас не нужны ваши милостыня или жалость!.. Бежим! – подгонял второй голос подоспевшего в укрытие мальчика, ставшего для Джеймса приманкой.

Ошеломленный произошедшим, Джеймс неловко зажал рану рукой, глядя в ту сторону, где скрылись два незнакомца, отчего-то с трудом веря, что его действительно обманули и ранили. Он еще слышал их бег, пока дождь не заглушил все остальные звуки, даже тогда, когда оказался один в медленно растекающейся по асфальту лужице своей крови. Джеймс не замечал холода и воды, стекающей за воротник куртки, лишь тепло, плавно утекающее сквозь пальцы в потоке дождя вместе с жизнью. Усилием воли он смог справиться с духом и осмотрелся вокруг помутившимся взглядом, чтобы решить, что делать дальше. Пустой переулок, в котором оказался Джеймс, был в одном из кварталов беженцев. За местными старались следить удаленно, а все больницы и участки полиции располагались в других районах города. Только на углу дома горел огонек камеры наружного наблюдения, говоря о том, что кто-то мог видеть произошедшее. Убедившись, что не упадет в движении, Джеймс встал на ноги и побрел к своей машине. Он тяжело сел за руль и выехал на основную дорогу, чтобы добраться до больницы.

Сколько он ехал, стараясь не потерять сознание, Джеймс не знал. Лишь к тому моменту, когда перед ним засияли огни больницы, стало ясно, что времени осталось совсем мало. Выйдя из машины, Джеймс направился к парадному входу больницы. Он плохо видел, куда шел, но двигался в направлении света, придерживая рукой кровоточащую рану. Сотрудники вечерней смены непринужденно переговаривались друг с другом в ярком парадном холле, когда Джеймс переступил порог разъехавшихся дверей больницы и чуть не упал на скамейки для ожидания в приемной.

– Позовите доктора Беннета! Скорее! – крикнул кто-то через коридор, подхватив Джеймса под руку. С другой стороны его подхватила медсестра, придирчиво осмотрев медового цвета глазами. Было слышно, что появились другие сотрудники больницы с каталкой, но Джеймс их уже не видел, не разбирая даже голосов, звучащих рядом. Он успел подумать про Фараи, а перед его мысленным взором всплыло лицо незнакомого мальчика, искаженное ненавистью. От страшной злости, сверкающей в детских глазах, или же от потери крови, но вдруг Джеймс почувствовал, как его сковал сильный холод, и он погрузился в темноту, окончательно потеряв сознание.

Люция всегда просыпалась рано, по обыкновению до восхода солнца, чтобы посмотреть на небеса и меняющиеся краски рассвета, а потом отправиться в королевские покои. Но в этот раз она проснулась еще раньше, не сразу поняв причину. Открыв глаза, Люция осмотрела заснувшего рядом с ней Раниеро. Они так заболтались перед сном в его комнате, что Люция и не заметила, как задремала в окружении их старых любимых игрушек из детства. А Раниеро так и заснул в ворохе его же рукой написанных писем, которые Люция решила ему перечитать и напомнить, сколько историй Раниеро пытался уложить в короткие пересказы и шуточные воспоминания о своей службе. Умиротворенно улыбнувшись, Люция прижалась щекой к подушке, но, когда она взглянула на лицо Раниеро, тревога сковала ее сердце, а в серых глазах мелькнул страх. Раниеро снился кошмар, а свет в кристалле, что свисал с его шеи на цепочке, медленно терял свою силу. Обомлев, Люция приподнялась на локтях и взглянула на свой собственный кристалл, сияющий ровно и ярко, а потом осторожно взяла кристалл Раниеро в свои руки.

Говорили, что в своих снах эна видят мир теней, тех удивительных созданий, что живут во Мраке и сражаются из века в век за Свет. Когда-то барьер, разделяющий их миры, был прозрачным как кристально чистая вода, и они могли видеть друг друга, оказавшись достаточно близко к невесомой пелене. С течением времени барьер помутнел и исказился. Эна больше не видели мира теней, а перестав видеть, засомневались, во что им верить. Разве тени имели какую-то власть над их судьбами? Были ли невидимые нити между кристаллами эна и тенями? Был ли мир теней вообще? Многие эна перестали признавать в своей судьбе волю созданий, о которых впоследствии стали рассказывать легенды и сказки для детей. Они больше не знали, правда ли история о первых тенях и эна или нет.

Но Люция всегда верила в то, что тени влияют на их жизни, порой даря счастье, а порой и горе, что нити Света, нити дарованной Светом жизни, соединяли их миры как две части одного целого, и даже сновидения были бликами и отголосками неизвестной жизни по другую сторону барьера. Эна могли чувствовать раны и боль своих теней, их усталость и горечь точно так же как порой радость и веселье, вдохновение и уверенность. Считалось, что когда кристаллы эна меркли, жизнь тени обрывалась, и ее бой с Мраком был проигран. Поэтому Люция была уверена, что Раниеро чувствовал и видел, что его тень смертельно ранили. Тень Раниеро могла проиграть свой бой в своем мире по другую сторону барьера, и Люция опасалась, что скоро свет кристалла Раниеро полностью погаснет. Потом, с течением времени, должна была появиться новая тень, а нить жизни должна была снова восстановиться, и кристалл бы засиял как прежде. Но Люция не хотела, чтобы наступающий важный день Раниеро встречал без той тени, что помогала ему сражаться последние годы с Мглой уже в их собственном мире. Уверенно улыбнувшись, Люция осторожно сжала кристалл Раниеро в ладонях, зажмурилась и едва слышно зашептала мольбу:

– Пожалуйста, держись... Ты справишься. Не сдавайся, борись за Свет.

Люция не открывала глаз, всем сердцем желая поделиться своими силами с тенью Раниеро, лишь бы свет его кристалла восстановился. Она забылась в своих мольбах, и открыла глаза лишь тогда, когда ей показалось, что Раниеро проснулся. Раниеро хмурился, заелозив от своего тягостного сна, но вскоре перестал шевелиться, а охватившая его в кошмаре тревога как будто спала. Раскрыв ладони, Люция ласково улыбнулась, увидев, что сияние кристалла Раниеро снова стало ровным, хоть и не таким ярким, как прежде. Но теперь она была уверена, что тень Раниеро не умрет, а наберется сил и продолжит сражаться с Мраком в своем мире.

Бережно уложив кристалл за воротник Раниеро, где он обычно его прятал, Люция осторожно поцеловала спящего брата в щеку и встала с кровати, стараясь не уронить на пол разбросанных по покрывалу игрушечных солдатиков. Выглянув в окно, она увидела, что на востоке плавно расцвели алым облака, предвещая появление солнца, и поспешила из комнаты в коридор, напоследок еще раз взглянув на спящего Раниеро. Притворив за собой дверь, Люция снова улыбнулась и поспешила к лестничному пролету через просторный холл.

Королевский замок постепенно просыпался, и то и дело на пути Люции оказывались живущие в стенах белоснежной крепости эна. Одни уже спешили по своим делам в простирающийся у подножия замка сад, другие на кухню, чтобы приготовить для всех завтраки, третьи начинали уборку светлых помещений. Прислуги в замке было много, но все прислужники с одинаковым почтением склоняли головы перед проходящей мимо Люцией, ведь она была личной прислужницей Зарии и считалась вторым лекарем всей Басилеи после самой королевы. Никогда не задирая носа, Люция ценила ту возможность немного влиять на жизни эна, которой обладала, и старалась сделать утро каждого попавшегося ей на пути прислужника чуть ярче своим вежливым приветствием и улыбкой в ответ. Она почти летела в королевскую башню, окрыленная хорошим настроением, и лишь у самых покоев правителей замедлила свой шаг. Люция осторожно приоткрыла дверь в просторную комнату короля и королевы и заглянула внутрь, заметив, как плавно начал гаснуть свет спифов, что украшали их покои от пола

до потолка. Но стоило Люции взглянуть на Зарию, как к ней вновь вернулась холодящая нутро тревога.

Казалось, королева Зария тоже видела кошмар, сжимая во сне свой кристалл. В отличие от кристаллов Люции и Раниеро, да и всех остальных подданных короля и королевы, камень Зарии, как и камень короля Раанана, был белым и сиял особенным белым светом. Люция не видела, таял ли свет кристалла королевы или ей просто виделись битвы по другую сторону барьера в мире теней, но она не могла себе позволить просто стоять рядом с правительницей, с тревогой взглянув на разгорающийся рассвет через просторное окно комнаты.

– Лучезарная королева!.. – осторожно позвала Люция, подойдя ближе к кровати Зарии. Королева вздрогнула и открыла медового цвета глаза, сначала рассеянно уставившись в арочный потолок своих покоев, а потом словно сквозь Люцию, не замечая ее присутствия. Сон Зарии не спешил ее покинуть даже после пробуждения, и Люция виновато склонила голову, видя, каким печальным оказалось утро ее королевы.

Зария видела во сне чьи-то лица, слышала совершенно непонятную ей речь. Все, что вспоминала Зария, тревожило ее, но больше всего то чувство, с которым она пробудилась... Чувство безысходности. Она словно не замечала света солнца, не чувствовала его тепла, и пыталась рассмотреть в ускользающих обрывках сновидения ту правду, что открылась в мире теней. Зария видела, будто знакомый ей страж оказал врагу помощь, и как врагов вдруг стало больше, а она не знала ответа на многочисленные обращенные к ней одной вопросы, а потом – какими глубокими ранами могли обернуться доброта и помощь по отношению к тем, кто их не заслуживал...

Зария с трудом приподнялась над подушкой, вдруг вновь услышав голос, донесшийся до нее словно издали.

– Прошу прощения, госпожа, я не хотела вас побеспокоить, – виновато произнесла Люция, все не решаясь поднять на Зарию взгляд. Зария внимательно осмотрела Люцию, а потом взглянула на свою руку, в которой отчаянно зажимала свисающий с шеи белый кристалл. Прогнав напавшую на нее тревогу, королева повернула лицо к солнцу, отогрелась в его лучах и уверенно улыбнулась, заставляя себя забыть кошмар минувшей ночи. Зария почувствовала вину из-за того, что поддалась непонятным страхам из своего сна и испугала Люцию своей реакцией. Больше она не желала думать о мире теней, ведь впереди ее ждало светлое утро и немало важных дел.

– Лучезарная Люция, – ответила наконец приветствием со снисходительной улыбкой на губах Зария, вставая с постели. Люция сразу поспешила к Зарии с подготовленным с вечера серебристым платьем с золотым узором, чтобы помочь королеве одеться, после чего Зария с подчеркнуто невозмутимым видом отошла в другую часть комнаты и села напротив большого зеркала. Люция направилась помочь королеве расчесать ее густые темно-русые волосы и встала за ее спиной. Пока Зария выбирала, в каких драгоценностях появится перед своими подданными, Люция задумчиво проводила мягкой расческой по ее отливающим золотом прядям, с улыбкой тихо напевая песню. Люция так задумалась о своем, что не сразу услышала голос королевы.

– Госпожа?.. – виновато переспросила Люция.

– Я спросила, почему ты поешь, Люция? – повторила вопрос Зария, перебирая украшения из золотой шкатулки. Королева бросила на Люцию любопытный взгляд. Зария не помнила, чтобы Люция когда-нибудь пребывала в столь приподнятом настроении и витала в облаках. Расческа в руках Люции вдруг застыла в воздухе. Королева никогда не злилась на нее, да и в этот раз голос Зарии был не более чем заинтересованным, но укол совести заставил Люцию одуматься. Улыбка сошла с ее лица, а во взгляде Люции королева заметила легкую растерянность. Лишь спустя мгновение, которого было достаточно, чтобы виновато поникнуть головой, Люция вернулась к работе и смущенно ответила:

– Простите меня, госпожа, если я помешала вам своим пением. Я так рада прибытию своего старшего брата, что не могу думать ни о чем другом в это светлое утро, – призналась Люция.

– Ах, да, – вспомнила Зария и тепло улыбнулась Люции. – Перед отбытием на запад генерал Вителиус очень уважительно высказался по отношению к Раниеро, – вспомнила она задумавшись, и вдруг смущенно добавила ставшую такой ясной деталь, которую прежде она не замечала:

– Вы с Раниеро такие разные, прямо как солнце и луна.

Люция поджала губы, продолжая усердно расчесывать локоны правительницы. В столице все знали, что Люция и Раниеро родня. Но если о Люции отзывались как о лучике солнца, то ее старший брат в глазах других эна выглядел не в лучшем свете из-за своего природного упрямства и порой неуместной дерзости, прославившей его на все королевство.

Невольно вспомнив про генерала Вителиуса, Люция смущенно улыбнулась. Раниеро писал о нем исключительно иронично, но Люция знала, что так говорят только о друзьях, и даже соперничество между ними не мешало узам «братьев по оружию».

– Если бы мы с Раниеро были похожи как две капли воды, госпожа, я бы претендовала на ту же почетную должность, что и он, – улыбнувшись, ответила Люция, не скрывая задорных искр, заплывавших в ее серых глазах.

Зария задумчиво улыбнулась чужим словам. Эна родственники всегда были преданы друг другу, поскольку были связаны чем-то большим, чем просто кристаллами одной формы. Люция даже не смела подумать что-то плохое о старшем брате, готовая скорее принизить себя, чем его в глазах правительницы. Мудрость и любовь Люции тронули Зарию, и больше они не разговаривали, пока не настало время покинуть королевские покои.

Когда все приготовления к выходу закончились, Люция спустилась вслед за королевой во внутренний двор замка, сразу же попав в окружение прислужников правителей и мастеров всех умений, чьи гильдии располагались в пределах столицы.

Король Раанан, будучи воином, старался поддерживать свою боевую форму, хотя в том совсем не нуждался в виду постоянной охраны стражников. Но очередная тренировка короля была особенной, поскольку впервые за долгие годы Раанан позволил присутствовать на мероприятии всем желающим. Пока шел бой, Зария в сопровождении Люции неторопливо шла среди толпы восхищенных придворных, учтиво кивая на поклоны прислужников и гостей, лишь иногда бросая взгляды на короля и его соперника, сражающихся в полете над зрителями.

Когда бой закончился под громкие аплодисменты, Раанан тяжело приземлился на землю, явно оставшись недовольным собой. Король и без доспехов отличался высоким ростом и широким размахом плеч, что мешало ему биться с легким и юрким мастером-лучником Арвидом, а в своих громоздких латах он оказался слишком неповоротливым, чтобы выиграть сражение. Но уверенность правителя затмевала собой любые преграды на пути к победе, и он не собирался сдаваться. Каждый раз Раанан сражался как в последний, и никто из присутствовавших во дворе замка не знал, что очередная тренировка для короля была важна не только для того, чтобы проверить свои навыки боя, но и для того, чтобы избавиться от охватившей его в ночном кошмаре злости.

– Еще раз! – прикрикнул Раанан, резко зачесав пятерней выбившиеся из короткого хвоста на затылке каштановые волосы. Сложив за спиной крылья, Раанан величественным взмахом руки потребовал начать новое сражение. Арвид встал напротив правителя, взмахнув белыми крыльями для разминки, и послушно натянул тетиву лука. Его оружие засияло огненно-красным светом, среди которого вдруг материализовалось несколько рыжих полосок волшебных стрел. Раанан невозмутимо поднял в руках меч, засиявший ярким огнем, а в его, орехового цвета, глазах заплескали недобрые искры.

По сигналу оба соперника снова взмыли в небо, не упустив первых секунд сражения, чтобы попытаться сразу же остановить друг друга и приковать магией к земле. Мастер-лучник изощрялся на такие выстрелы, которые сразили бы десятка два профессионалов других умений, но король, разозлившись из-за своей неудачи в предыдущем сражении, умело отражал все стрелы, в конце концов одолев соперника дальними воинскими атаками. Спустя некоторое время, изрядно измотанный, но на этот раз довольный собой, Раанан приземлился на лужайку победителем. Собравшиеся принялись бурно аплодировать участникам поединка, а король снисходительно кивнул Арвиду в знак благодарности и принялся обсуждать с мастером-лучником разницу в тактике боя в полете и на земле.

Засмотревшись на разыгравшееся перед ее глазами сражение, Люция зааплодировала, как и все остальные прислужники, не скрывая восхищенной улыбки. Услышав хлопки сбоку, она радостно взглянула на аплодирующую королеву. Зария устроилась в одном из королевских кресел, расположенных под сводами просторной беседки в центре сада, ожидая, когда к ней присоединится Раанан.

Вдруг среди придворных раздался взволнованный шепот, ставший повсеместным гулом. Все эна обратили свои взгляды куда-то в сторону от королевской беседки и расступились перед новым гостем на тренировке короля. Присмотревшись туда, куда были направлены взгляды шепчущихся придворных, Люция увидела Раниеро и невольно сделала шаг вперед. Заметив волнение Раниеро, встревоженного всеобщим вниманием к себе, Люция перестала улыбаться, решив к нему подойти, но Зария остановила ее мановением руки, ведь теперь на Раниеро смотрел и сам Раанан, которому доложили о прибытии бывшего командира Громового форта.

Остановившись на почтительном расстоянии от Раанана, Раниеро встретил его прожигающий насквозь взгляд и преклонил колено, склонив голову перед правителем.

– Господин, – произнес Раниеро, еще больше склонив голову, когда Раанан неторопливо подошел к нему ближе и остановился напротив. Свой меч Раанан в ножны так и не убрал, и блестящее лезвие оружия короля засверкало в лучах яркого солнца, слепя Раниеро глаза. Король молчал, словно о чем-то размышляя, и заговорил лишь тогда, когда Раниеро уже потерял счет времени от охватившего его волнения.

– Говорят, Громовой форт стал образцовой крепостью под твоим руководством, так ли это? – спросил Раанан с ироничной улыбкой.

– Я не могу сказать, так ли это, господин, – не шевелясь, ответил Раниеро, – я руководил им так, чтобы форт был неприступен для наших врагов и Мглы, а образцово или нет, я не берусь судить.

Толпа снова загудела, и среди шепота собравшихся Раниеро различил название своего форта, имена своего бывшего командира и почившего вождя арья, которого Раниеро сразил в схватке один на один. История о той битве словно ожила в его памяти, и Раниеро почувствовал себя одиноким несмотря на десятки направленных на него взглядов. Лишь один взгляд не тревожил Раниеро как все прочие. Приподняв голову, Раниеро увидел Люцию. Она обошла толпу и встала сбоку от него и короля, наблюдая за происходящим так, словно расспрос короля был обращен и к ней. Но стоило их взглядам пересечься, как Раниеро тут же опустил глаза, когда Раанан начал обходить его кругом, так и не позволив Раниеро встать.

– Еще говорят, что стражники крепости уважают и боятся тебя больше, чем Мглу и арья, так ли это? – спросил снова Раанан. Раниеро на миг зажмурился, не желая себя оправдывать в глазах правителя, ведь услышал, как ему показалось, упрек и насмешку в голосе короля.

– Если так, то я рад, господин, ведь чем меньше они боятся Мглу и арья, тем лучше будут вам служить, – ответил Раниеро. – И потому я делал все, что мог на своей собственной службе как их командир.

– Говорят, что командир Ферокс отдал приказ не вмешиваться в его поединок с вождем арья Издубаром, но ты его ослушался, так ли это? – снова спросил Раанан после долгой паузы,

во время которой Раниеро оцепенел. Ответить на этот вопрос было сложнее всего. Толпа притихла, и лишь биение собственного сердца еще напоминало Раниеро о том, что он живой и должен отвечать на вопрос короля.

– Это так, господин, – коротко ответил Раниеро, ожидая, что в следующую минуту будет схвачен и предан правосудию. На пост нового командира Громового форта после Ферокса его назначал Вителиус, и именно Вителиус смог сохранить ситуацию с Фероксом в тайне, чтобы не лишить форт репутации, а Раниеро жизни. Но теперь не было никаких преград получить по заслугам, и Раниеро тяжело вздохнул, собираясь с духом.

– Господин, позвольте попроситься с сестрой перед тем, как меня накажут, – попросил он, решившись поднять на короля взгляд.

Раанан отошел в сторону, обернувшись к Зарии, и размял руку с мечом, размахнувшись своим оружием. – Вставай, – приказал король, и растерянный Раниеро поспешно поднялся на ноги.

– Сразимся! Мне интересно, одолеешь ли ты меня так же, как смог того вождя арья! – важно произнес Раанан. Раниеро не поверил услышанному, отступив на шаг назад.

– Господин, как я могу сражаться с вами?..

– Можешь, потому что я так приказал! – громко произнес Раанан. – Расступитесь все! – крикнул король, чтобы собравшиеся не пострадали во время их дуэли.

Лишь одна Люция не смогла отойти подальше, оказавшись в первых рядах зрителей, еле дыша от страха. Все происходящее не укладывалось у нее в голове. Испуганно взглянув на королеву, но не найдя ответа на свой немой вопрос, как такое могло произойти, Люция прижала замок рук к груди, отчаянно шепча молитву Свету, чтобы король пощадил Раниеро.

Выбора, кроме как подчиниться приказу, у Раниеро не оставалось. Коснувшись сердца, чтобы проявить свои доспехи, он выхватил меч из ножен и приготовился к бою, не собираясь лезть в атаку первым. Начавшийся бой едва ли походил на настоящее сражение, Раниеро только отражал атаки Раанана, отступая всякий раз, когда король открывался для ответного удара. Рассердившись, Раанан остановился.

– Видимо, приказов для тебя недостаточно, чтобы повиноваться воле короля? Тогда найдем другой способ!.. – сказал Раанан и вдруг взмахом меча выпустил в сторону стоящей неподалеку Люции огненный вихрь.

Открыв глаза, Люция увидела перед собой неумолимо надвигающийся огненный шквал. Вдруг перед ней вылетел на крыльях Раниеро, в развороте отбив удар короля волшебным золотистым щитом, проявившимся возле его руки. Раниеро приземлился на ноги и застыл перед Люцией, закрыв ее широко расправленными крыльями, словно его щита и меча было недостаточно, чтобы ее обезопасить. Тяжело дыша, Раниеро смотрел лишь на Раанана, не слыша испуганного голоса сестры.

– Нэро!.. – пролепетала Люция, не успев даже коснуться его плеча. Словно сорвавшись с цепи, Раниеро ринулся вперед, в кувырке отправив в сторону короля сразу несколько огненных вихрей, и больше не останавливался в своем нападении, стараясь пробить защиту Раанана и оттеснить его как можно дальше от толпы зрителей и Люции.

На удивление зрителей дуэли, атаки Раниеро были сильнее атак Раанана, и чем быстрее разгоралось сражение, тем очевиднее становилось, что бывший командир Громового форта дрался намного лучше, чем правитель Басилеи. Раанан и сам понял, что оказался слабее своего соперника, и уже едва держал меч для защиты, когда Раниеро в очередной раз нанес свой удар. Удар стал последним, ведь Раанан устал и отклонил свое оружие, и тогда меч Раниеро рассек королю щеку.

В пылу сражения разъяренный Раниеро увидел пролитый королем свет и замер, словно в одно мгновение оказался на краю пропасти. Бросив меч на землю, Раниеро и сам упал

на колени, испугавшись того, что сделал. Вдруг на него накинулась Люция, бросившись рядом на колени перед Раананом.

– Господин, это все моя вина! Брат прибыл поздно ночью, он устал, а я не дала ему отдохнуть своей глупой болтовней! – затараторила Люция, отмахиваясь от Раниеро, пытающегося ее оттащить в сторону.

– Люция, хватит! – не своим голосом воскликнул Раниеро, опасаясь, что гнев Раанана падет и на Люцию.

– Его тень чуть не умерла ночью! Забрала его силы и внимательность, это случайность, господин! – звенящим голосом добавила Люция и сложила руки в мольбе. Зария подошла к Раанану и залечила царапину на его щеке яркой зеленой целебной магией, но король не шевелился, глядя на Раниеро испепеляющим взглядом.

– Не говори ерунды! Уйди! – прорычал в отчаянии Раниеро, пытаясь спрятать Люцию за собой, но та в ответ лишь обняла его, не собираясь отстраняться.

– Еще и не верит в Свет и Тени, – попытожил Раанан, мягко отстранив руку Зарии от себя. – Как можно жить среди эна, ставя под сомнение сами основы нашего общества? Как можно жить, если жизнь пуста и бессмысленна?

Голос правителя показался Раниеро настолько угрожающим и изничтожающим, что он виновато склонил голову, подобрал с земли свой меч и без сомнений протянул оружие Раанану рукоятью вперед.

– У меня нет повода жить, если правитель не считает мою жизнь достойной, – обреченным, но уверенным голосом произнес Раниеро. Люция почувствовала, как по щеке скользнула слеза и не смогла произнести ни слова, уверенно прижавшись к Раниеро еще сильнее, словно собиралась разделить любую уготованную ему участь.

Не долго думая, Раанан играючи перехватил меч Раниеро и навел острие под его подбородок, заставив Раниеро поднять голову.

– Если ты не веришь в Свет и Тени, то не веришь в мое Предназначение, – с расстановкой в голосе произнес Раанан. Пристальный взгляд короля оказался даже страшнее его гневного голоса, но от дальнейших слов правителя Раниеро забыл, как дышать. – Если ты не веришь в него, значит, не считаешь меня своим королем.

– Нет, господин! – ужаснувшись от одной только мысли, Раниеро даже не заметил, как подался вперед, а острие его собственного клинка стало давить куда сильнее, чем в начале. На шее появилась золотая полоска света от пореза, но она не имела значения, когда речь шла о смысле всего его существования.

– Я не знаю иной жизни, кроме служения правителям! – горячо возразил Раниеро. – Я готов умереть ради вас, это мой долг, как и любого другого эна, и я его исполню, как вы пожелаете!

– Люция, встань, – после недолгого молчания приказал Раанан. Вонзив меч Раниеро перед ним в землю, Раанан вогнал свой собственный меч в ножны, развернулся и вместе с Зарией отправился к беседке, где располагались кресла правителей.

Раниеро замер и закрыл глаза, снова склонив голову. Он даже не обратил внимания, что Люция закрыла ладонью его рану на шее и быстро залечила порез целебной магией, прежде чем подняться по приказу правителя. Что произошло дальше, Раниеро не видел, пока вдруг не почувствовал, как на плечи легла легкая ткань. Открыв глаза, Раниеро удивленно взглянул на Люцию. Она улыбалась сквозь слезы радости, осторожно пристегивая к его доспехам белый гвардейский плащ.

– Можно не верить в тени и Свет, но знать свое место в им созданном мире и служить ему, честно исполняя свой долг!.. – сказал Раанан, обращаясь не только к Раниеро, но и ко всем остальным собравшимся. – Знай, что отныне вместе с гвардейским белым плащом на тебя

ложится ответственность за королевскую стражу и долг перед Светом оберегать и защищать Басилею и ее правителей!.. Встань, капитан, твои гвардейцы ждут тебя в тронном зале.

– Люция, можешь идти, проводи капитана в Белую Казарму, – ласковым тоном добавила Зария, улыбнувшись засиявшей от счастья Люции.

Поднявшись, обескураженный Раниеро неловко поклонился правителям и вместе с Люцией направился в замок, с трудом понимая, куда идет. Оказанная королем честь, о которой Раниеро не смел и мечтать, летя в Сердце Басилеи, ошеломила его настолько, что даже прибыв в Белую Казарму, где жили гвардейцы, он не сразу поверил в свое назначение.

Белая Казарма находилась в основании королевской башни и представляла собой круглый зал с арочным сводом, под которым гвардейцы могли вместе отдохнуть и поесть. На стенах висели боевые трофеи, а вдоль стен были расставлены те из них, которые повесить не представлялось возможным. В зале было несколько дверей, одна из которых оказалась открытой и вела в просторную комнату, в которую Люция поспешно направила Раниеро, ведя его за собой. В комнате было светло и чисто, не было в ней и никаких украшений. Люция позаботилась лишь о том, чтобы комнату прибрали к приходу Раниеро, и придирчиво осмотрела ее, вдруг замаявшись на месте.

– Я хочу тебе кое-что подарить... – с волнением в голосе произнесла Люция, и Раниеро обернулся к сестре, стоящей у шкафа. – Думаю, стоит переодеться, прежде чем идти в тронный зал к твоим новым подчиненным!

Улыбаясь в предвкушении, Люция отошла в сторону, попутно открыв тяжелые створки шкафа, и прижала к груди замок рук, пытаясь сдержать свой смех и восторг при виде обомлевшего Раниеро. В шкафу оказался новый набор доспехов. На нагрудных латах на месте сердца красовалась отчеканенная голова льва, а шлем блестел в свете спифов белым поперечным гребнем. Но больше всего внимание Раниеро привлек новый меч с такой же головой льва на рукояти.

– Тебе нравится? – с надеждой спросила Люция, встав рядом с ошеломленным Раниеро.

Не зная, что ответить сразу, Раниеро подошел ближе к шкафу, коснувшись своих новых лат.

– Они легкие, но очень прочные, я просила сделать самые лучшие, какие только можно, чтобы защищали тебя от любой магии или оружия, и... – с волнением в голосе заговорила быстро Люция, как вдруг ее перебил Раниеро:

– Защищают не доспехи, а голова на плечах... И ответственность перед той, что их подарила, – уверенно сказал Раниеро, улыбнувшись Люции. – Я бы недолго протянул на службе, если бы не помнил, что раз в неделю мне надо перед тобой отчитываться.

Люция облегченно вздохнула и смущенно усмехнулась.

– Это лучшие доспехи, какие только можно пожелать. Я никогда их не сниму, обещаю, – гордо заявил Раниеро с искренней благодарностью в голосе.

Больше ничего не сказав, счастливая Люция прижалась к Раниеро, а сам Раниеро обнял сестру и с улыбкой оглянулся на сверкающие латы. Он не знал, что ждет дальше и какой окажется предстоящая служба, но надеялся, что сам будет достоин как новой должности, так и новых доспехов, подаренных сестрой.

Амелия проснулась раньше обычного, еще до восхода солнца, с чувством гнетущей тревоги, повод для которой она не находила ни в сером пейзаже за окном ее спальни, ни в сводке новостей по телевизору. Казалось, причина крылась где-то за неведомой преградой, будь то расстояние или время, но сердце, несмотря ни на что, билось чаще, словно Амелия увидела

ночной кошмар. Даже окончательно пробудившись, она так и не смогла успокоиться, а руки сами собой потянулись к телефону.

Джеймс не ответил на звонки на мобильный, не ответил он и по домашнему номеру. Лишь в полицейском участке, куда Амелия позвонила в надежде услышать, что ее старший брат просто на дежурстве, ей рассказали о произошедшем ночью инциденте. Все внутри Амелии похолодело и сжалось от страха, какого она не испытывала уже много лет. Она забыла про важную встречу на работе и, едва солнце взошло над горизонтом, уже ехала в больницу, в которой разместили Джеймса.

Дождавшись, когда ей разрешат навестить брата, Амелия вошла в палату и почувствовала, как на душе стало немного теплее от сонной ухмылки, с которой ее приветствовал единственный бодрствующий пациент.

– Ты давно здесь? – спросил заботливо Джеймс, когда медсестра пропустила Амелию внутрь, закрыв за ней дверь.

– Пару часов, – ответила Амелия, обеспокоенно осматривая Джеймса, словно опасалась за его здоровье вопреки всем заверениям его врача о быстрой поправке.

– Я слышал твой голос во сне, – признался с улыбкой Джеймс. – Извини меня, это...

– Не твоя вина, – уверенно заявила Амелия, садясь рядом. – Я рассказала твоим коллегам, что случилось... Про сообщение и куда ты поехал вчера. Они их обязательно найдут... Тех негодяев, что тебя так подло ранили, – неловко добавила Амелия, заметив, как переменялось настроение Джеймса. Он был подавлен новостью и совсем не радовался перспективе, что ранившие его преступники будут пойманы.

– Меня ранила моя глупость, – хмыкнув, ответил Джеймс, закрыв глаза. – Сам виноват.

– О чем ты?.. – осторожно спросила Амелия.

– Я нашел избитого мальчика, беженца с юга, пока дежурил на машине, – тихо ответил Джеймс, открыв глаза и уставившись в потолок палаты. – Накормил, довез до его приюта в районе беженцев... Дал свой телефон настоятельнице приюта, чтобы в случае чего, я мог бы оперативно помочь с драчунами, – поймав на себе укоризненный взгляд Амелии, Джеймс пожал плечами, продолжив:

– В итоге, полагаю, этот телефон у хозяйки приюта отняли. Или она сама его отдала. Проще говоря, меня выманили, чтобы проучить, и урок теперь полностью усвоен... Добрыми делами можно легко стать плохим, так же как и плохими поступками сделать себе доброе имя, как бы странно это не звучало, – произнес Джеймс, задумавшись о своем так сильно, что Амелия не сразу нашла, что ему ответить. Невольно подумав о Седрике, она опустила взгляд, но быстро собралась с духом и улыбнулась.

– Главное, что ты живой после этого урока, – сказала Амелия, и Джеймс иронично улыбнулся в ответ.

– Это да... Доктор обрадовал меня, сказав, что, если бы меня ранили чуть-чуть правее, я бы не доехал до больницы, – словно между делом сказал он.

– Прекрати, бессердечный, мне и так плохо! – задохнувшись от возмущения, возмутилась Амелия и осторожно хлопнула Джеймса по руке. – Что за лекарства тебе дали, чтобы ты мог шутить на этот счет?

Джеймс слабо рассмеялся. Лекарства действительно повлияли на его самочувствие, но, к своему удивлению, Джеймс словно потерял давно накопившуюся тихую злость, и никакие медицинские препараты не могли сравниться с возможностью вспомнить детство и побыть беззаботным хотя бы несколько минут.

– Значит, в следующий раз подставляюсь под удар грудью. Раз сердца нет, место безопасное!.. – сказал он, еще смеясь, и вдруг скривился, положив руку поверх повязки.

– Больно? – забеспокоилась Амелия, заметив, что от неприятных ощущений глаза Джеймса заслезились. Джеймс упрямо улыбнулся, пытаясь унять боль.

– Что ты!.. Забыла? Я плачу только от щекотки! – выдавил он из себя с усмешкой. – ...
Но я не против, если ты позовешь доктора, – осторожно добавил он.

Качнув недовольно головой, Амелия встала с насиженного места.

– Ох, как бы я хотела лечить одним прикосновением... – сказала Амелия и поспешила к двери палаты, чтобы позвать врача.

II

Как оказалось, королевские гвардейцы были в недостаточно хорошей для Раниеро форме. По крайней мере, он был непреклонен в своем решении сделать их примером для подражания, и, на свое усмотрение, был готов устраивать для этого каждодневные занятия по оттачиванию умений и навыков. Пока Раанан не считал необходимым отправлять гвардейцев как посланников своей воли на границу, разбираться от имени правителей в проблемах жителей Басилеи, Раниеро считал необходимым подготовиться к любым неприятностям, будь то Мгла или воинственные арья.

Рассказав королю о возможном новом нападении на Громовой форт, Раниеро получил одобрение использовать земли замка для тренировок, ведь не исключалась возможность того, что в скором времени гвардейцам предстоит отправиться на юг для защиты расположенного там гарнизона. Военные действия Раанан собирался обсуждать с генералом Вителиусом, чье прибытие ожидалось со дня на день с западных границ Басилеи, а пока у Раниеро и его королевских стражников было время присмотреться друг к другу.

Отдыхая вечером вместе с Люцией в саду, Раниеро делился с сестрой впечатлениями от первых дней знакомства со своими новыми подчиненными.

– Ты так говоришь, словно они не лучшие из лучших, – тихо рассмеявшись, произнесла Люция, когда Раниеро вспомнил еще один повод проводить изматывающие тренировки.

Раниеро тяжело вздохнул, сложив руки за спиной, и взглянул на звездное небо, простирающееся над королевским замком. Раниеро знал, что остальных гвардейцев выбрали за выдающиеся заслуги перед Басилеей, и был удивлен в свое время услышать, а после своими глазами увидеть в их числе выходцев с холодных восточных краев. Варья, народ эна, населяющий земли через высокие горные перевалы востока, изредка навещали своих западных соседей и еще реже оставались жить в Басилее, предпочитая свой суровый край любым благам эферья. Говорили, что варья слышат зов своей земли и не могут ему противиться, если нет важных дел, требующих их присутствия где-то вдали от дома. К тому же, они редко летали в силу того, что полеты в их краях были слишком опасными из-за Мглы, поэтому с течением веков крылья стали для них одним из орудий боя, нежели средством перемещения. А сражаться им приходилось хоть и не каждый день, но не на жизнь, а на смерть, ведь если и случались нападения темных тварей, то они были невероятно страшных масштабов, справиться с которыми было по силам лишь совместными усилиями эферья и варья.

Таких варья, чьи дела оказались достойны королевского внимания, было трое воинов, два брата и сестра: Арни, Бьярни и Дагни. Все трое обладали яркими серо-голубыми глазами и светло-русыми волосами, да и по телосложению казались под стать друг другу. Даже Дагни, будучи самой младшей, не уступала братьям по силе и выносливости, умело пользуясь тяжелым кистенем. Арни, старший среди трех родственников, был вооружен двуручным мечом, а средний брат Бьярни пользовался огромным перначом. Раанан и Зария предложили им стать гвардейцами после одного из страшных сражений с темными тварями близ Ледяного форта в восточных горах. Не видя причин для отказа, троица варья согласилась принять белые плащи и пойти на службу к правителям эферья.

– У меня нет претензий к каждому из них по отдельности, несмотря на то, что часть из них не из Басилеи, – задумчиво ответил Раниеро, шагая рядом с Люцией по тропинкам к центру сада. – Арни, Бьярни и Дагни на удивление отзывчивые и веселые варья. Мне всегда казалось, что эна востока куда злее, но хмуростью выделилась Эйра...

– Свет с рождения послал ей много испытаний, – произнесла Люция, с грустной улыбкой склонив голову. – Нам ли не знать, каково это, потерять родных...

Раниеро кивнул, вспомнив их с Люцией детство, когда родители отправились в Темные земли на запад и так и не вернулись назад, а осиротевших юнцов отправили в Храм Света на воспитание к оракулу Пайаму. Эйра напротив не получила никакого крова над головой, когда ее семью забрал к себе Свет. Она была наполовину эферья и наполовину арья, при этом не похожая ни на тех, ни на других своей особенной внешностью. Ее волосы были короткие и почти белые, а в глазах цвета индиго читалась непроходящая грусть. Эйра яростно сражалась с арьей не только как солдат на границе Басилеи, но и как эна, родителей которой арья беспощадно погубили, несмотря на то, что мать Эйры тоже была арья из благородной семьи. Пойдя по стопам отца в армию Басилеи, Эйра достигла небывалых высот в деле магов. В ее арсенале были мощные заклинания всех четырех стихий, из которых она предпочитала воду и ветер, превращая их эссенции в страшную ледяную магию. Холодные чары Эйры впечатляли даже привыкших к морозам варья. Раниеро слышал про Эйру, когда служил в Громовом форте, и однажды даже видел ее в бою, когда на битву с арьей пришло подкрепление с соседнего форта на юго-востоке. Мало кто смог спастись от ледяных чар молчаливой колдуньи.

– Ох, какая неожиданность! – вдруг раздался за их спинами веселый голос. Раниеро закатил глаза, а Люция оглянулась назад и увидела худошавого эна в легких доспехах и белом гвардейском плаще, с длинным хвостом темно-русых волос и задиристым взором бирюзово-зеленых глаз.

– Молан, не сейчас, – ворчливо произнес Раниеро, угрюмо уставившись на гвардейца-лучника.

– А вот это вот совсем не неожиданно, капитан! – усмехнулся Молан. – Я думал, остальные шутили, когда сказали, что он всегда угрюмый... – шепотом произнес Молан, чуть склонившись к Люции. – Я не так давно прибыл в замок и хотел познакомиться с вами лично, лучезарная, но капитан уже меня представил! Молан, к вашим услугам, – заявил Молан поклонившись.

Люция улыбнулась, взглянув украдкой на хмурого Раниеро, а Молан, решив, что негоже тратить время зря, преподнес Люции букет ярких красных и темно-синих цветов.

– Я подумал, что раз такое дело и мы теперь как одна большая семья, все в сборе, то я мог бы составить компанию и рассказать вам пару интересных...

– Зря подумал и, нет, не можешь, – сердито процедил сквозь зубы Раниеро, перебив Молана.

– Благодарю, Молан, они прекрасны, – улыбнувшись, поспешила сказать Люция.

– Ах, ну ради этой улыбки стоило рискнуть! – засмеялся Молан, с почтением откланявшись, прежде чем улететь из сада на крыльях.

– Прекрати, ты сожжешь его взглядом, – рассмеялась Люция, заметив, с каким яростным видом смотрел на лучника Раниеро, пока тот не скрылся из виду. – У тебя еще будет время на тренировке утром, – мягко напомнила Люция, и Раниеро нехотя согласился, продолжив путь к высокому дубу в центре сада.

– Он, видимо, думает, что его история про монстра-вожака, которого он якобы убил одной стрелой, еще может кого-то удивить, – с негодованием в голосе заявил Раниеро, и Люция снисходительно взяла брата под руку, прижавшись к нему плечом. Оттаяв, Раниеро перестал сердиться, хотя и продолжал недовольно поглядывать на букет в руках Люции.

Молан прославился на западе Басилеи, где его меткие стрелы сражали толпы темных тварей, и без усталости славил себя сам, рассказывая историю о монстре-вожаке, которого смог убить одним метким выстрелом. Громадная темная тварь, обитавшая в Темных землях, постоянно терзала расположенный там пограничный Закатный форт эферья и ближайšie к нему поселки. Очевидцев поединка Молана с монстром-вожаком не нашлось, но темная тварь больше не появлялась. В итоге все в Сердце Басилеи знали историю сражения Молана и огромной темной твари в подробнейших деталях, поскольку Молан с удовольствием ее пересказывал,

всякий раз с таким красноречием, словно бой происходил лишь вчера вечером. Да и о своих прочих многочисленных подвигах лучник не умалчивал, за что успел прослыть в королевском замке знатным болтуном.

– Зато до сих пор удивляют истории о том, как ты выжил на границе без опеки лекаря, – с улыбкой произнесла Люция. – Я так рада, что теперь ты не сможешь избавиться от помощи и целебных чар. Илар не даст тебе много геройствовать с риском для жизни.

Раниеро поджал губы и качнул головой. Выдающийся выпускник гильдии лекарей с русыми волосами и пронзительно голубыми глазами, которые, казалось, видели эна насквозь, Илар, прослужил в нескольких фортах Басилеи, но получил белый плащ не за целебные чары, что применял в бою, а за свои невероятно мощные эликсиры жизни и маны. Однажды его снадобья спасли целый гарнизон от опасных растений Мглы, что проросли в стенах одной из пограничных крепостей на северо-западе королевства, чуть не убив всех ее обитателей. Форт был очищен, а Илар был приглашен в столицу, где и стал гвардейцем. В боевых навыках Илара еще предстояло убедиться, поэтому Раниеро не мог разделить радость Люции, что она и заметила, осторожно толкнув Раниеро в бок.

– Геройствуй, только осторожно, – добавила Люция, и Раниеро начал улыбаться.

– Ну, меня утешает то, что хотя бы не мне одному потребуется лекарь, если уж говорить откровенно, – сказал Раниеро, дойдя до высокого дуба, у которого он и Люция остались отдохнуть, сев на выпирающие из земли могучие корни как на скамейку. – Не понимаю, зачем правители взяли в гвардейцы ассасина... От них одни беды и неприятности.

Люция снисходительно улыбнулась.

– Не все ассасины приносят беды и неприятности, зря ты так. Хонора уж точно лучшая в своем деле! – сказала Люция, и Раниеро в ответ хмыкнул.

– Без сомнений, – не скрывая иронии в голосе, сказал он. – Настолько лучшая, что за ее кинжалы вожди арья назначили сумму в пять тысяч спифов, лишь бы от нее кто-то избавился...

Во многом именно поэтому рыжеволосая и синеглазая Хонора стала королевским гвардейцем. Служа на границе и глубоко в тылу арья, она выведала не одну военную тайну. К тому же Хонора прославилась как хитрый убийца, спастись от которого было почти невозможно. Но несмотря на все свои таланты, вечно прятаться от врагов Хонора не могла, а риск быть рядом с ней мог стоить жизнью простым солдатам эферья, поэтому правители приняли решение взять Хонору в королевскую стражу, где ее таланты пошли бы на пользу, а не во вред.

Присмотревшись ко вдруг задумавшемуся Раниеро, Люция сощурила глаза, загадочно улыгнувшись.

– Что у вас случилось на тренировке?.. Рассказывай! – потребовала она, встряхнув Раниеро за плечо.

Раниеро недовольно повернул голову в сторону и невольно вспомнил минувшее утро, когда Хонора застала его самого врасплох на тренировке после часовой нотации о том, как важно уметь сражаться с любым соперником, независимо от своего собственного класса и умения. Спустя немного времени Хонора ухитрилась сбить Раниеро с ног в прыжке, пользуясь невидимыми чарами, и придавила его собой к земле. «Кажется, нашему капитану тоже есть чему поучиться... – сказала тогда Хонора, нависнув над обескураженным Раниеро». Эти слова все еще преследовали его, равно как и ее игривый взгляд, словно все тренировки и наставления были для Хоноры не более чем забавой. Поймав себя на мысли, что скорее хотел сердиться, нежели сердился на самом деле, Раниеро, покашляв, прочистил горло.

– У нас разные взгляды на тактику боя, – коротко ответил Раниеро, решив не вдаваться в подробности.

Помолчав, Люция усмехнулась, и мягким тоном ответила:

– Что ж, думаю, когда дойдет до реального боя, взгляды станут одинаковыми. Главное, стараться смотреть в одну и ту же сторону, – важно добавила Люция, обняв подаренный Мола-

ном букет цветов. Украдкой взглянув на Раниеро, вновь задумавшегося о чем-то серьезном, Люция легко угадала причину его хмурости.

– Не беспокойся понапрасну, – сказала она заботливым и уверенным голосом. – Они лучшие в своем деле, а ты лучший из лучших, раз стал их капитаном. Они последуют за тобой, если увидят это так же, как вижу я. Не прячь свой свет, и он затмит любой другой.

Поцеловав Раниеро в щеку, Люция встала с насиженного места и отправилась назад в замок, а Раниеро так и остался под дубом, коснувшись засиявшего узора на коже, и задумчиво глянул Люции вслед. Переведя взгляд на далекие звезды, он попытался справиться с поселившейся глубоко внутри тревогой не оправдать надежд Люции. Раниеро опасался этого даже больше, чем подвести правителей на своем новом посту, ведь Люция всегда верила в него и считала лучшим из лучших еще до назначения в гвардейцы. Но теперь он должен был доказать, что утверждение Люции правда, всей Басилее.

Спустя пару дней ситуация в Линтоне значительно ухудшилась, и средства массовой информации без устали устрашали население АПЭП с экранов телевизоров, в Интернете и по радио рассказывая о том, насколько плохи дела на юге и как они серьезно скажутся на жизни самого Альянса. Казалось, репортеры намеренно выискивали самые тяжелые кадры для своих репортажей, а ведущие передач только и делали, что пророчили падение всей мировой экономики. Жители альянсовой столицы поддавались нагнетаемой панике. Постепенно пустеющие улицы Линтона стали напоминать зону военных конфликтов по напряженности и торопливости бредущих по своим делам горожан. Осенние дожди участились, и в промозглой сырости, крепчающей от ветра, не находилось ни капли тепла и света солнца.

В такие дни особенно хотелось вырваться из города, забыть о проблемах и найти в этом мире тот уголок, где не будет ни проблем с миграцией, ни с социально-общественной жизнью. Такой уголок, где не будет ничего, кроме природы, улыбок и смеха. Амелия помнила те короткие дни, когда еще были живы родители, и они с Джеймсом гуляли на природе. Воспоминания казались ей столь невозможно идеальными, что сердце болело от тоски, стоило снова взглянуть в окно машины и увидеть, что мир давно перестал сочиться теми же яркими живыми красками, какие она хранила в своей памяти.

Неизменным, несмотря на время и преграды, осталось только одно – забота друг о друге. Встретив брата спустя несколько лет после разлуки, Амелия поняла, как по нему скучала, да и Джеймс уже не казался ей столь хмурым и задумчивым как в памятный вечер в кафе. Но это не значило, что проблемы исчезли. Напротив, их становилось больше, и Амелия поражалась тому, с какой самоотверженностью Джеймс следовал приказам своего начальства. Поскольку ожидалось, что безопасность горожан в Линтоне под угрозой и возможны диверсии, полицейских вызвали на службу несмотря на законные больничные, в добровольном порядке, по желанию, которого даже у недавно раненого офицера Брента, как считала его сестра, оказалось больше, чем здравого смысла.

Амелия согласилась довезти Джеймса до дома при условии, что потом он отправится к ней на работу, чтобы она могла его обследовать в лаборатории и дать лекарства. Никогда прежде Амелия не пользовалась служебным положением, но в этот раз случай обязывал взять пару медикаментов из пробных образцов лекарственных препаратов.

– Потом до конца своих дней буду жалеть, что ты дала мне ваше фирменное лекарство, – заявил Джеймс, сидя на пассажирском сидении в машине Амелии.

– Почему это вдруг? – спросила Амелия, скосив на Джеймса хмурый взгляд.

– Потому что ты будешь вспоминать этот день как день, когда идеальная Амелия поступила плохо! Я тебя слишком хорошо знаю, так что давай не будем ставить опыты на твоей

совести, я действительно в порядке... – как можно убедительней сказал Джеймс, но Амелия лишь тяжело вздохнула.

– Тебя должны были выписать через три дня, – непререкаемым тоном ответила Амелия, сердито сжав руль. – Если бы кто-то не геройствовал, мне бы и не пришлось брать экспериментальные лекарства без спросу! Зачем надо было выписываться по собственному желанию? Ты еле ходишь! – возмутилась Амелия, чуть не проехав на красный свет.

– Затем, что я еще могу вести дорожный патруль. Сейчас не то время, когда можно валяться в койке и отдыхать, – невозмутимо ответил Джеймс, глядя на дорогу.

– Будто ты знаешь, что такое отдых, – парировала Амелия, – работа, еда, сон, работа, еда, сон, и так по кругу, не так ли? – пошутила она, взглянув на Джеймса с нескрываемой иронией.

– Будто у самой не так было, пока не вышла замуж, – сощурился взгляд, ответил Джеймс. – Хоть за что-то могу сказать Седрику спасибо! Иначе бы никогда из завалов книг не вылезла.

– Походи на свидания, уже разнообразие, – пожал плечами, сказала Амелия, не обращая внимания на недовольный вид Джеймса.

– У меня не тот круг общения, – ответил он.

– Это почему? Неужели у вас в участке нет никого, с кем бы хотелось познакомиться поближе? – удивилась Амелия.

– Когда я пытаюсь познакомиться поближе, от меня начинают убегать в переулки или пытаются отбиться холодным оружием, – иронично улыбнулся Джеймс.

– Я не про преступников говорю! – возмутилась Амелия. – Заведи себе семью!

– Пока не видел распродажи. Как только, так сразу, – отшутился Джеймс. – А если серьезно, то я не хочу намеренно кого-то искать... Кого-то особенного методом проб и ошибок не найти, так этого человека можно только потерять. Я хочу одну спутницу жизни, а не воспоминания о множестве.

– Ну, давай тогда я буду искать тебе жену методом проб и ошибок, – не скрывая смеха в голосе, предложила Амелия. – Какие-нибудь пожелания?

– М-м-м... Пускай она будет рыжая... Синие глаза... – задумавшись, ответил Джеймс. – И с медицинским образованием.

– Джеймс! – возмутилась Амелия.

– Что? – бросив беглый взгляд на Амелию, ответил он. – Сама предложила!

– Надо планировать семейную жизнь, а не оказание экстренной медицинской помощи на дому! – воскликнула сердито Амелия.

– Одно другому не мешает! – невозмутимо заявил Джеймс, еле сдерживая улыбку.

Амелия бы еще долго с ним спорила, если бы не возникшая перед ними проезжая часть к лаборатории «Инноген». Само здание возвышалось над остальными подобно стеклянной скале с названием фонда над парадным входом, за которым скрывался целый комплекс лабораторий вместе с производственными цехами.

Припарковавшись на своем привычном месте, Амелия вместе с Джеймсом отправилась к дверям главного здания. Внутри оказалось намного светлее и уютнее, чем показалось Джеймсу снаружи. В вестибюле их поприветствовал охранник, и Амелия подошла к стойке ресепшена, чтобы выписать для Джеймса пропуск, как вдруг ее окликнул чей-то голос:

– Амелия, здравствуй! Я думала, сегодня тебя тоже не увижу! Как дела? – спросила подопевшая к ним девушка в белом халате.

– Элизабет! – воскликнула радостно Амелия. – Все хорошо, а у тебя как дела? – поинтересовалась она, отдав Джеймсу гостевой пропуск.

– Провожу повторные тесты новых ядовитых образцов! – с энтузиазмом ответила Элизабет и, словно опомнившись, неловко взглянула на Джеймса, которого ей поспешила представить Амелия.

– Элизабет, познакомься, – важно произнесла Амелия. – Это Джеймс, мой старший брат.

– Сержант Brent, – уточнил с улыбкой Джеймс, слегка поклонившись Элизабет.

– Элизабет Саммерс. Амелия столько про вас рассказывала! – произнесла Элизабет, заметив, что ее зовут к стойке ресепшена.

– Надеюсь, хорошее, – с усмешкой произнес Джеймс.

Элизабет скромно улыбнулась, потупив взгляд.

– Простите, я сейчас...

Когда Элизабет отошла к стойке, Джеймс переглянулся с Амелией, одним довольным выражением лица напомнив ей о разговоре в машине. Словно только сейчас заметив ярко рыжий цвет волос Саммерс и ее синие как сапфиры глаза, Амелия поняла, о чем думал Джеймс, и ворчливо насупилась.

– Даже не вздумай!.. – шепнула сердито Амелия, пока Джеймс засматривался на Элизабет, беседующую с другими сотрудниками лаборатории. Удивленно взглянув на Амелию, Джеймс первым направился вслед за ней к лифту. Все желающие отправиться на верхние этажи зашли в кабину. Элизабет оказалась в компании коллег, их отделили сотрудники ремонтной службы, и Джеймс воспользовался моментом, чтобы обратиться к сестре:

– Почему? – возмутился полусшепотом Джеймс, недоверчиво прищурившись.

– Слишком... Слишком рыжая! – тем же тоном ответила Амелия к удивлению Джеймса, когда створки лифта закрылись. Скосив взгляд на рыжую копну волос, Джеймс нечаянно поймал на себе взгляд Элизабет и смущенно улыбнулся, всерьез задумавшись о том, что слишком рыжих не бывает.

Чем выше поднимался лифт, тем просторнее становилось в кабине. Сотрудники в белых халатах отправлялись в свои отделения, и вскоре кабина почти опустела. Лифт остановился на пятом этаже, створки со звоном открылись, и Элизабет вышла следом за ремонтниками, напоследок обернувшись.

– Я очень рада с вами познакомиться, – улыбнулась она Джеймсу. – Мисс Грир скоро приезжает с новым поставщиком для осмотра лаборатории, – обратилась она уже к Амелии, – не опаздывай! Без тебя мы как без головы!

– Постараюсь, если не будет новых *непредвиденных обстоятельств*, – сказала Амелия, слабо улыбнувшись.

– Это она про меня, – уточнил Джеймс, пожав плечами и прислонившись спиной к стенке лифта. – Поэтому я перебираюсь в ее офис!

Элизабет усмехнулась и направилась в коридор, а лифт закрылся и поехал еще выше на последний седьмой этаж.

– Искать не хочешь, поэтому кидаешься на первую встречную с подходящими параметрами? – саркастичным голосом поинтересовалась Амелия, первой переступая порог лифта на седьмом этаже.

– А вдруг судьба? – непринужденно улыбаясь, ответил Джеймс, но стоило ему выйти следом за Амелией, как улыбка сошла с лица, и он невольно сбавил шаг, с удивлением обнаружив себя в необычно продвинутом для, казалось бы, простой медицинской лаборатории, помещении. В отличие от мельком увиденных лабораторий на нижних этажах здания, открывшаяся глазам Джеймса лаборатория под непосредственным руководством Амелии выглядела нереалистичной, словно из будущего: в подсвеченных неоновыми лампами жидкостях происходили непонятные Джеймсу химические процессы, а погруженные в свою работу лаборанты бдительно следили за показаниями громоздких приборов и вычислениями нескольких мощных компьютеров.

Пройдя в свой кабинет, Амелия указала Джеймсу на свое рабочее кресло и принялась возиться с препаратами и приборами на стоящем в тени столе.

– И что же вы такого тут делаете, если не секрет? – устроившись за письменным столом Амелии, с хмурым видом спросил Джеймс, недоверчиво осматриваясь по сторонам.

– Секрет, но не от тебя, – улыбнулась Амелия. – Я разрабатываю средство, которое позволит заживлять любые повреждения тканей с предварительной очисткой от заражения, – попыталась объяснить она понятным языком. – Хочу доработать формулу, чтобы средство помогало избавляться не только от микробов, но и от попавших в тело инородных частиц.

– Как пуля или осколки? – уточнил Джеймс, сощурился.

– Именно! Потенциально это возможно уже сейчас, но я еще работаю над составом для ускорения процесса... Сними куртку и закатай рукав. Надо взять кровь для обследования, прежде чем я дам тебе препарат, – сказала Амелия, подготовив всю аппаратуру для осмотра Джеймса.

– Радость-то какая для военных, – пробурчал себе под нос Джеймс, снимая куртку. – Ранили на границе, съел таблетку, исцелился, пошел убивать дальше. Тебе не кажется, что это плохая идея? – уточнил он, закатив рукав рубашки.

Амелия осторожно взяла кровь из вены и перешла к другому столу, где отправила образец на анализ в специальную машину.

– Идея станет плохой, если использовать ее в дурных целях. Но я верю в лучшее, – ответила Амелия, следя за показаниями прибора. – Если разработка окажется успешной, то ее можно будет разослать по всему свету для больных детей и стариков... Для калек, которым так и не сделали операции, или страдающим от самых тяжелых заболеваний. Я нашла с мисс Грир общий язык, лекарство будет бесплатным... Представь только будущее, где не будет никаких болезней и больше не будет возможности войной решать проблемы мира.

– Ты слишком хорошего мнения о людях, – тихо усмехнулся Джеймс. – Не все разделят твое видение будущего.

– А ты его разделяешь? – спросила Амелия, проверив результаты анализа крови, прежде чем вколоть лекарственный препарат Джеймсу.

– Как и всегда, Лучик, – задумавшись и улыбнувшись, ответил Джеймс. Амелия тоже улыбнулась и осторожно ввела препарат шприцом, тут же зажав место укола ваткой.

– Значит, нас двое. Есть повод надеяться на то, что станет больше, – произнесла Амелия с умным видом. – Я ввела средство для ускорения заживления поврежденных тканей, а сейчас поищу партию для поддержания иммунной системы, чтобы ты мог работать без вреда для здоровья, – добавила она и вышла из кабинета, чтобы взять дополнительные лекарства из хранилища в лаборатории.

Взглянув на компьютер Амелии, Джеймс попытался представить мир, который хотела создать его сестра, но воображения оказалось недостаточно, чтобы увидеть картину целиком. Он не сомневался, что когда-нибудь все вокруг действительно поменяется до неузнаваемости, и мог лишь надеяться, что поменяется так, как хотела Амелия. Вопреки своему любопытству не собираясь копаться в открытых файлах сестры, пока ее не было видно, Джеймс прочел на экране компьютера всего одно слово: «Итеро».

Ничто не нарушало покой южного леса, лишь редкое пение птиц и легкий шелест листы прерывали величественную тишину природы. Но Омид знал, что угроза близко и таится среди лесного массива. Он чувствовал опасность и пытался подготовиться к бою, чтобы не дать застать себя врасплох. Вдруг услышав, как ему показалось, шорох позади себя, Омид приподнял руки с кинжалами, вставая в стойку, и в следующее мгновение ловко извернувшись уклонился от дерзкой атаки со спины.

Мастер-ассасин сражался с ним на равных, поэтому Омид вынужден был выкладываться из последних сил, чтобы избежать или сносить удары наставника. Но с течением времени свои собственные удары Омид проводил с надрывом, как в последний раз. Он не жалел сил, стара-

ясь кинжалами разоружить соперника и сделать решающий выпад, но чем больше он старался, тем слабее становились его атаки. Юному ассасину не хватало сноровки и выносливости, а гнев в карих глазах затмевал простую истину: он измотал себя за целое утро тренировок и больше не мог вести сражение на равных, как хотел. Бой пришлось остановить, когда в ходе очередного выпада мастера-ассасина на темной коже мальчика появился яркий порез, рассекший плечо, и свет полился из раны оскалившегося от боли Омиды. Наставник, обучающий Омиды с самых юных лет умениям их класса, не ожидал, что ученик не увернется от столь заметного нападения, и виновато склонил голову, но не перед самим Омидой, а перед подошедшей к ним темнокожей эна в ярко-алом платье.

– Госпожа Тэру, – вежливо поприветствовал ее мастер-ассасин.

Кивнув в знак приветствия мастеру-ассасину, Тэру осмотрела мальчика внимательным взглядом карих глаз и бережно взяла его за раненное плечо, залечив порез целебной магией.

– Отец бы гордился твоими успехами. Не изматывай себя понапрасну, – коротко улыбнулась Тэру, заметив, что Омид сильно опечален.

– Как скажешь, мама, – тихо согласился Омид, учтиво поклонившись своему наставнику, прежде чем отправиться вслед за Тэру к воротам в город. Перелетев ограждение на своих белых крыльях, Омид и Тэру оказались в великом городе Эмоюнге. Величие и соответствующий титул Эмоюнгунг принесли и древняя история, и огромная территория, которую с незапамятных времен занимал густонаселенный город. Легкие деревянные мосты, украшенные цветами и лентами, связывали между собой парящие над барьером пласты земли и разные ярусы Эмоюнга, обустроенные среди стволов и раскидистых веток деревьев. Дома пестрели цветным убранством как у подножия южного леса, так и среди пышных крон, ставших основанием для просторных жилищ арья. Расположенные у подножия леса шатры и палатки привлекали взгляд цветными узорами тканей и окрашенной резьбой по дереву, а над приземистыми домами возвышались целые башни, часть из которых тянулась к деревьям и опиралась на них с помощью свай и перекладин.

Но, несмотря на яркий вид и убранство Эмоюнга, арья не чувствовали праздника жизни, которую так любили и ценили за дары Света. Все больше сердец сковывала тревога, а глаза боялись окружающего арья мира, стоило им взглянуть за пределы укреплений, окруживших великий город со всех сторон. Они давно сражались с Живой Ночью в диких джунглях и пустынях, но никогда прежде Мгла не распространялась так быстро. Темные твари уничтожали все живое, обращая в бегство даже самых опасных хищников леса. Словно по чьему-то велению Явления Мглы стали разрастаться подобно туману и захватывать целые деревни. Мгла наступала со всех сторон, вытесняя арья с родных земель. Солдаты старались защитить свой край от Живой Ночи и всех ее проявлений, но все чаще они пропадали в лесных дебрях и песках, пополняя обращенными Мглой эна беспощадную армию темных тварей.

Омид и Тэру пытались поддержать в соплеменниках веру в Свет, едва ли веря в собственные речи о том, что Мглу удастся одолеть, особенно когда в Эмоюнг стали прибывать беглецы, ищущие приют подальше от ужасов Живой Ночи. Арья вынужденно отступали на север, не имея ни сил, ни возможностей отразить натиск темных тварей. С одной стороны виной тому была разрозненность их народа. Вожди арья не собирались объединяться для войны с монстрами, забыв пример вождя Издубара, однажды собравшего их всех в одну единую армию. Немало сил уходило и на конфликт с северными соседями, эферья, что проживали через великую пропасть в краю, в котором Мгла еще не властвовала над небом и землей. Жрецы и шаманы арья твердили, что война с эферья угодна их теням, и потому многие солдаты мечтали о великой чести отдать свой последний свет в битве с эферья, считая, что тем самым сражаются на войне более значимой, чем война с Мглой.

Но почему эта война была предпочтительней той, что лишала их дома, Омид не понимал. Идя по улицам родного города, он видел раненных темными тварями, которых пытались

излечить лекари, видел бежавших из своих городов и поселений эна, нуждающихся подобно беднякам во всем, что им пришлось оставить позади ради спасения своих жизней. Их было так много, что приютить всех беглецов даже в таком большом городе как Эмоюнг оказалось невозможно. Испуганные арья напрочь отказывались выходить за охраняемый частокол, чтобы обустроить лагерь рядом с городом. Видя испуганные лица детей, Омид невольно представлял себя на их месте и все больше злился на свое бессилие облегчить их жизнь и избавить от ночных кошмаров, словно преследующих их и наяву.

Но и со своими кошмарами Омид не справлялся. Вопросы их мира и мира теней терзали Омида по ночам, и никакие наставления старших не могли успокоить его тянущийся к правде ум. От того его кинжалы не попадали в цель на ежедневных занятиях с наставником, и потому Тэру переживала за сына, видя его терзания за маской отрешенности. Омид никогда не подавал виду среди других эна, если чувствовал себя плохо. Ни боль, ни страх не отражались на юном лице, словно его невозможно было чем-то вывести из себя. Все, что тревожило Омида, он пытался спрятать глубоко внутри, там, где только внимательные глаза матери могли найти опасное томление. Он был очень похож на своего отца, Абаура, и потому вдвойне дорог заботливой Тэру. Ее сердце тревожилось за мужа, ушедшего к северной границе, и разрывалось на части при виде обеспокоенного Омида.

– Не томи себя тяжелыми думами, поделись ими, – ласково и тихо сказала Тэру, пока они шли по висячим мостам, осматривая город с высоты. Омид замедлил шаг, потупив взгляд, но собрался с силами и осторожно заговорил:

– Отец сказал, что если он погибнет в битве с эферья, то я поведу нас сражаться дальше... Но чем ближе этот день, тем больше я осознаю, что не хочу сражаться. Не с ними.

Тэру молча слушала Омида, пока мальчик не остановился и не стих совсем, отрешенно глядя на рыночную площадь, что простиралась под мостами. Подойдя ближе, Тэру приобняла сына за плечи, тоже взглянув на площадь. Торговля шла своим ходом, но былого веселья на лицах эна она не замечала. Было лишь желание купить что-то раньше, чем товар исчезнет с полок или станет жизненно необходимым, как снадобья или оружие.

– Эферья всегда были нашими врагами, сражаться с ними велят тени, так говорят наши шаманы, – напомнила Тэру, на что Омид отрицательно покачал головой.

– Тени разные... – уверенно сказал Омид. – И даже будучи разными, они помогают друг другу в войне за Свет. Если так могут тени, то почему мы не следуем их примеру? – спросил Омид, взглянув на мать.

Тэру не смогла ответить сразу и в ее карих глазах поселилась глубокая печаль. Крепко зажмурившись, чтобы прийти в себя, Тэру усилием воли прогнала нахлынувшую на нее волну страха. Она понимала сына и всем сердцем желала с ним согласиться, но не могла, чувствуя в том волю своей собственной тени. Взяв в руку свой кристалл, Тэру взглянула на ровные грани камня, но увидела не сияние внутри кристалла, а туман неизвестности, в котором блуждали все эна, когда пытались понять волю теней. Неведомые создания были добры и жестоки, милосердны и беспощадны. Порой их воля была простой и во благо, порой меняла их судьбу до неузнаваемости. И со всем им приходилось мириться и соглашаться, ведь эна не были вольны в своих поступках и решениях, порой даже не осознавая, что поступают так или иначе, потому что так велели тени. Тени показывали им путь, и, казалось, свой Тэру видела ясно – жизнь Омида была для нее важнее всего, и что бы ни происходило с их миром, война с Мглой и эферья стоила всего пролитого ими света, если в конце всех бед и тревог Омид должен был жить, не ведая больше сражений. Она знала, что всем сердцем будет жалеть тех, кто падет в предстоящей битве, и тех, кому придется жить дальше с утратой, но Тэру даже представить не могла, что лишится из-за жалости к другим своего сына, как не могла она сказать самому Омиду, что ради его благополучия поддерживала мужа в военном наступлении на эферья.

Омид был слишком юным, чтобы ее понять, ведь прожил всего лишь десять лет жизни, но он уже был слишком самоотверженным, чтобы принять такую правду.

– Потому что мы тоже разные, – задумавшись, ответила Тэру. – И порой мнение большинства важнее мнения отдельных эна. Арья хотят этой войны, чтобы после победы жить в мире и покое, как и обещают нам тени... Поэтому Абаур ведет их к границе, чтобы с частью объединившихся арья показать и всем остальным дорогу в будущее. Поэтому, если он падет в битве, ты должен будешь продолжить его дело, как ради самого себя, так и ради нас всех.

– Я не понимаю, – признался Омид, качнув от досады головой. – Когда все это началось? Почему мы враждуем с эферья? Разве не должны тени вести нас к Свету? Или имелся в виду последний свет? Значит, мы просто должны умирать? Тогда зачем куда-то бежать и сражаться с эферья, когда к нам и так приближается Мгла? – растерянно глянув на мать, спросил Омид, надеясь хоть на какие-то ответы, но вместо голоса Тэру вдруг раздались удивленные голоса эна.

Взглянув на горожан, Омид увидел, что многие схватились за свои кристаллы, свет в которых вдруг резко померк. Их было так много, что арья не могли поверить в случившееся, испуганно глядя друг на друга, ведь это значило, что разом погибли сотни теней, с которыми арья связывали нити жизни. Вдруг раздался рев сигнальных труб. Свет солнца исчез, и город неожиданно окутала ночь. Ужаснувшись своей догадке, Тэру взглянула на кроны деревьев, загородив собой Омида. С диким протяжным ревом с неба на Эмоюнг хлынули десятки темных тварей, прорываясь сквозь могучие кроны и опалая их своим огненным дыханием. Сквозь крики ужаса раздались резкие приказы, и стражники города на крыльях кинулись в воздух наперерез вдруг появившимся монстрам.

– Мама! – крикнул Омид, увидев приближающуюся к ним темную тварь. Выхватив из-за пояса кинжалы, Омид оттолкнул Тэру в сторону и выскочил вперед, чтобы сразиться с монстром. Но тут мост всколыхнула еще одна темная тварь, и Омид потерял столь нужное ему для атаки равновесие.

– Омид! – раздался отчаянный крик Тэру.

Последнее, что успел увидеть Омид, была огромная разинутая пасть, охваченная ярким желтым огнем...

Дожди не прекращались, и улицы Линтона все чаще освещали фонарные столбы, нежели свет солнца. Похолодание, охватившее город, заметно подчеркнуло, каким безжизненным был Линтон, что ранним утром, что поздним вечером, когда горожане стремились попасть на работу и уйти домой с закатом солнца. Людей не было видно, словно они перемещались тайными маршрутами, избегая друг друга. Даже машины проезжали с такой скоростью, словно опасались задерживаться в том или ином районе дольше необходимого.

Уильям Клиффорд всегда мало общался с людьми, с детства будучи достаточно замкнутым. Синеглазый, с непослушными русыми волосами, он со школы не стремился заводить знакомства и предпочитал людям книги. Во многом именно желание спрятаться от общества со всеми его проблемами и неписанными правилами и привело его в молодости на работу в библиотеку, где не требовалось многого. И уж тем более общительности, которой Уильям не обзавелся и на третьем десятке своей жизни. Но даже ему, человеку без родных и друзей, становилось неуютно, когда в туманной утренней дымке огни фонарей меркли, исчезая вдали, а улицы превращались в коридоры каменного лабиринта. Блеклые тени прохожих, порой бредущие мимо, исчезали так же неожиданно, как и появлялись, а в воображении Уильяма словно приходили из темноты и в нее же и возвращались, пугая своей отрешенностью от мира, в котором он еще пытался существовать и заниматься любимым делом.

Уильям всегда ходил на работу пешком, так как своей машины у него не было, а велосипед давно украли, когда он забыл пристегнуть его к забору перед библиотекой. Он медленно копил средства на покупку своего дома в пригороде Линтона и уже был близок к своей цели распрощаться со съемной квартирой и неприветливой хозяйкой апартаментов, когда обострилась война на юге. Цель превращалась в недостижимую мечту, ведь посетителей библиотеки становилось все меньше, поскольку бумажные книги теряли свою ценность и значимость на фоне все более популярных электронных изданий. Да и в принципе читать художественную или научную литературу становилось все менее актуально, из-за чего Уильям большую часть своих будней сидел в библиотеке один, порой слушая радио.

Единственное, что изменилось в его жизни, был возникший на тротуаре через дорогу от библиотеки тент из картона, под которым поселилась беженка с юга. Поначалу Уильям опасался смуглую темноволосую незнакомку, не желая смотреть на тент и на его обительницу, словно мог привлечь ненужное внимание к самому себе, а потом, когда начались дожди, вынужден был обходить ее на лестнице к двери в библиотеку. Лишь под крыльцом библиотеки беженка могла не промокнуть на улице в своем грязном тряпье. В один из таких дождливых дней он и заметил, насколько красивыми были ее темно-карие глаза... И сколько в них читалось страха, несмотря на стойкость, с которой женщина старалась выжить в непригодных для этого условиях.

Беженка не разговаривала с ним и не просила милостыню, но иногда исчезала на время и возвращалась с небольшой белой коробкой таблеток, которые раздавали в отделениях фонда «Инноген». Прошел целый месяц, и Уильям привык к тому, что беженка жила с его библиотекой по соседству. Привык он и к ее молчанию, когда проходил мимо нее с зонтиком и охапкой книг к дверям. Казалось, беженку тоже устраивало, что библиотекарь не разговаривал с ней и не проявлял агрессии, ведь поначалу она ежилась от него, словно от угрозы, из-за чего Уильям впервые почувствовал себя неловко. Он ведь в своей жизни и мухи не обидел, не то что человека. Он даже оскорбился от того, что его считали способным причинить кому-то вред.

Все утро в библиотеке не было ни одного посетителя. Чтобы как-то себя отвлечь, Уильям включил радио, единственную дорогостоящую технику, которую мог себе позволить при мизерной зарплате. Настроив приемник, он услышал мелодию заставки новостей и отошел от своего стола, чтобы разобрать оставленную с прошлого раза гору книг для учета и ведомости.

«Разворачивающиеся на наших глазах события на юге повергли мировое сообщество в шок, – говорила ведущая радиопередачи. – В полностью уничтоженном крупно-населенном центре города Аса не было ни одного военного объекта, используемого террористами. Особенно сильно пострадало здание заседаний Большой Ассоциации Среднеюжной Транснациональной Торговли. От официального представителя БАСТТ уже поступило заявление о том, что произошедший инцидент не останется безответным. Срочный созыв совета по безопасности АПЭП должен будет решить вопрос о дальнейших предпринимаемых мерах в связи с трагедией, унесшей жизни тысяч мирных жителей. Представители военного ведомства отказываются давать комментарии, случился ли сбой в системе наведения ракет или это была намеренная демонстрация силы...»

– Давно пора было прихлопнуть этот городишко! Укрывали у себя врагов столько времени! Так-то! – усмехнулся кто-то за его спиной. Уильям подпрыгнул на месте от неожиданности и поспешно обернулся к визитеру, крепче сжав в руках увесистый том энциклопедии, словно собирался им обороняться. Но увидев визитера и узнав его, Уильям облегченно выдохнул и улыбнулся.

– Мистер Фулберт! Как поживаете? – учтиво спросил Уильям, подойдя к гостю, чтобы взять его поклажу. Бывший солдат АПЭП Аруд Фулберт перестал служить из-за травмы ноги и коротал время на родине за чтением книг о войне, хотя бы мысленно возвращаясь на фронт.

Уильям был отчасти рад видеть Аруда, ведь последний был самым частым посетителем библиотеки и брал вдвое больше книг, чем все остальные визитеры.

Но привычно спокойное состояние Аруда определенно всколыхнули новости, которые тот услышал по радио. В ореховых глазах солдата заплясали недобрые искры, и Уильям не мог понять, смотрел ли Фулберт на него или сквозь него в погоне за своими нахлынувшими воспоминаниями.

– Вы пришли сдать книги или взять новые? – осторожно поинтересовался Уильям, глядя на задумчивое лицо Аруда.

– Взять новые, – немного погодя ответил Аруд, улыбнувшись. – Я откладывал на прошлой неделе пару книжек.

– Да-да, сейчас, – засуетился Уильям, отправившись к ближайшему шкафу.

Аруд тем временем оглянулся на дверь библиотеки, глядя словно сквозь нее на тент беженки, что расположился через дорогу.

– Столько лет идет война, а толку никакого, – хмуро заметил он, пока Уильям суетился у полок. – Все равно пробрались через границу. Захватывают территорию, как чума.

Уильям повел взглядом в сторону Фулберта, но промолчал и не стал оборачиваться, усилием воли заставив себя сосредоточиться на списке книг, которые тот себе запросил.

– На радио работают глупцы, – ворчливо произнес Фулберт, когда Уильям вернулся к своему столу с охапкой книг. – Таких ошибок не бывает. Целенаправленно змеиное гнездо разнесли, и поделом...

– Мне казалось, военные не должны атаковать мирных жителей. Мы ведь воюем не с ними, да и... они безоружны, – мягко произнес Уильям, на что Фулберт в голос рассмеялся.

– Солдаты друг другу вреда толком не приносят. Ну подстреливают порой, убивают. Это бывает на войне, – сказал он с улыбкой, а потом нагнулся над столом, словно для доверительной беседы, переменившись за секунду в лице. – А вот их семьи, вот эта зараза уже опаснее любого вооруженного солдата... Солдат, будь он религиозный фанатик или военный, не важно, сражается за других. У него простые цели, и во время боя он свою культуру оставит при себе. Никому нет дела до его идей и представлений о жизни. А эти так называемые «мирные» вооружены идеями, которые порушат все, что мы создавали веками, строя светлое будущее для своих детей.

Аруд был столь уверен и так зол, произнося свою речь, что Уильям нервно сглотнул ком в горле и пододвинул книги поближе к краю стола, чтобы напомнить Аруду о том, зачем он пришел в библиотеку.

– Столкновения культур всегда были причиной кровопролития. Надеюсь, война скоро закончится и думать про новую ради наступления светлого будущего уже не придется, – выдавил из себя Уильям, пытаясь говорить как можно более спокойней и уверенней.

– Верно говорите, мистер Клиффорд, – кивнул Аруд, криво ухмыльнувшись. Сняв с плеча рюкзак, Аруд начал укладывать в него книги, спустя мгновение вдруг доверительно заговорив:

– Если что, у меня есть понимающие друзья в миграционной службе. Этот ваш мусор на пороге быстро уберут, – сказал он, чем сильно удивил Уильяма.

– Простите?... Какой мусор? – не понял Уильям, и Аруд кивнул в сторону двери. Глянув на дверь, Уильям догадался, что Аруд говорил о беженке, и поспешно замотал головой, заулыбавшись, словно речь шла о пустяке.

– Да ну, что вы! Это ничего, она мне не мешает...

Аруд положил последнюю книгу в рюкзак и закинул его на плечо.

– Когда к ней рядом подселится еще сотня таких же, будете жалеть, что не обезопасили свою «культуру» от очередного «столкновения», – передразнил Уильяма Аруд. Кивнув на про-

щание, он размашистым шагом направился на выход. Открыв дверь и взглянув на стремительно темнеющее небо, Аруд накинул на голову капюшон походной куртки и ушел, обойдя место, где располагался тент беженки, за несколько метров.

Дверь библиотеки неторопливо закрылась сама собой, и Уильям неловко сел на стул, чтобы прийти в себя и осмыслить весь диалог, который состоялся со старым знакомым. И даже включенное радио, на котором заиграла тихая музыка, не отвлекало его от странных дум о том самом обществе, которое он так старался избегать, со всеми его ужасными конфликтами, которые зарождались как на уровне межличностных отношений, так и на уровне мировых держав.

Вдруг Уильям почувствовал себя ужасно ничтожным на фоне глобальных процессов в мире, в котором жил. Беспомощным что-то исправить и подарить ту частичку знаний, что хранил хотя бы в пределах вверенной ему библиотеки. Ведь вполне вероятно, что даже в запыленных томах, позабытых всеми людьми на свете, был тот самый ответ на вопрос, как же добиться светлого будущего, не лишая его другого живого человека.

Когда стеклянная дверь блеснула в свете молнии, а потом раздался раскат грома, Уильям понял, что просидел в раздумьях до самого вечера. Начался дождь, и капли забарабанили по крыше библиотеки. Ветер начал швырять их в оконные стекла, за которыми виднелся разрастающийся ураган. Погода не давала о себе забыть, но вместо того, чтобы собраться поскорее в свою съемную квартиру, Уильям решил, что никуда не уйдет этим вечером и сделает хоть что-то, чтобы отстоять свою собственную культуру.

Он решительно подошел к двери, не тронув пальто, и обнаружил на пороге беженку. Спрятавшись под крыльцом от ливня, женщина вздрогнула от неожиданности, когда дверь за ее спиной резко распахнулась, и поспешила назад под свой тент, как вдруг Уильям ее окликнул:

– Нет! Нет-нет, я не хотел вас испугать! Простите... Я хотел предложить... Зайти. А то буря начинается и...

Заметив на лице беженки смущенное удивление, Уильям неловко рассмеялся.

– Ах, ну да. Вы уже знаете, что буря начинается. Заходите, переждете здесь, в тепле... Вы ведь понимаете, что я говорю? – решил он уточнить напоследок, надеясь, что его действительно поняли. Беженка кивнула, медленно и робко поднявшись по лестнице. Задержавшись рядом с Уильямом в проходе, она внимательно посмотрела в его синие глаза и зашла внутрь библиотеки.

Застыв рядом с закрывшейся дверью, беженка с удивлением взглянула на растерявшегося Уильяма. Казалось, он не знал, что делать дальше. Осмотрев свою библиотеку, Уильям заметил что-то на столе и с улыбкой на губах кинулся к запылившемуся электрическому чайнику, чтобы вскипятить воду.

– Присаживайтесь, у меня есть немного конфет. К сожалению, в библиотеке с едой нельзя, но эти ириски очень вкусные и я храню немного в столе, – начал он говорить невпопад, словно оправдываясь за свое суетливое перемещение в поисках чашек.

Беженка присела на стул напротив стола Уильяма и принялась оглядываться по сторонам.

– А как вас зовут? – наконец завершив все приготовления к чаепитию, спросил Уильям.

– Меня зовут Нур, – ответила беженка, с трудом сдержав кашель, и Уильям улыбнулся, садясь напротив Нур за стол.

– Приятно познакомиться, Нур. А меня зовут Уилл... Хотите ириски?

Нур улыбнулась и кивнула, а Уильям поделился половиной своего запаса сладостей, едва ли понимая, почему вдруг почувствовал себя счастливым.

Раниеро был в тронном зале правителей лишь раз, когда он и Люция совсем юнцами посещали королевский прием вместе со своими родителями. Его память не сохранила великолепие тронного зала, и Раниеро невольно восхитился его величественной красотой, когда вновь оказался под золотыми арочными сводами. Он не предполагал, что однажды снова переступит порог словно пронизанного светом помещения. И уж тем более, что остановится на месте почетной охраны подле королевских тронов Зарии и Раанана.

Как капитан королевской стражи, Раниеро должен был охранять правителей во время приема вместе с остальными гвардейцами, что стерегли тронный зал, рассредоточившись вдоль высоких стен. Потому он внимательно наблюдал за каждым, кто проходил через широкие двери зала, всматриваясь в незнакомые лица, и невольно беспокоился от того, что чувствовал тревогу придворных. Тронный зал правителей был полон умиротворяющего света, потому так выделялись опечаленные, словно потемневшие лица эна и затаившийся в их глазах страх, который замечал Раниеро, следя за разрастающейся толпой гостей. Жители Басилеи прилетали со всех концов королевства перед Днем Дара, чтобы попросить у правителей совета или помощи и пожаловаться на беды, с которыми сталкивались у себя дома. Подобные приемы считались неотъемлемым долгом короля и королевы перед своим народом, ведь только в их власти было помочь своим подданным в борьбе с темными тварями. Монстры нападали на поселения эна у границ королевства все чаще, но больше всего жителей Басилеи беспокоило то, как быстро темнели их кристаллы.

Раниеро был неприятно удивлен тем, как много эна беспокоилось о мраке, искорежившем свет внутри их кристаллов, которые они носили на шее со своего Дня Дара, но еще больше – причине появления этого мрака, которую они называли. «Чистюль», как шутливо окрестили солдаты тех, у кого мрака в камнях не было, становилось все меньше. Будучи пока что одним из них, Раниеро не мог не смутиться тем речам, что слышал от прибывших на прием к правителям. Раниеро не верил в то, что мрак в кристаллах зависел от теней, живущих по другую сторону барьера, и судил по самому себе и Люции. Он считал, что его кристалл, как и кристалл Люции, сиял ровным светом без намека на червоточины, потому что это была его собственная заслуга. Раниеро не поддавался слабостям, не нарушал законов своих правителей и служил им верно уже не первую сотню лет, тем самым стараясь сохранять свет кристалла нетронутым темнотой. Но если мрак в камне все же возникал, то только по его собственной вине, а никак не из-за теней. А пришедшие на прием были уверены в обратном и жаловались правителям на то, что их тени беспричинно наказывали их, не жалея даже детей.

– Мы ведь всего лишь фермеры, – сокрушался один из прибывших с южной границы эна. – Мы живем мирной жизнью, никому не приносим вреда! Не делали ничего плохого! А теперь нас словно прокляли! Моя жена никогда прежде не прогоняла путников с порога, а дети – не истязали домашний скот. У всех появились червоточины, словно сама Мгла выбрала нас в жертву! Мой кристалл, как и кристаллы моих соседей и еще половины нашей деревни, потемнели в последние несколько месяцев так, как никогда прежде! За что тени наказывают нас?

Раанан и Зария переглянулись друг с другом, когда тронный зал утонул во встревоженном шепоте. Раниеро тихо вздохнул, отведя недовольный взгляд в сторону от фермера. Он знал, что незнакомец прибыл из деревни, что снабжала Громовой форт продовольствием. Им, живущим на границе с арья, по мнению Раниеро, было глупо жаловаться на кару теней. Деревенские жители одними из первых узнавали о страшных новостях на фронте, и многие из их молодых эна служили в самом форте. Для солдат мрак в кристаллах был обычным делом, и жаловаться правителям из-за собственной ненависти к арья, отразившейся в кристалле, проделав долгий путь с юга в Сердце Басилеи, казалось Раниеро невозможной глупостью и пустой тратой времени. Отсутствие жалости к бредущим путникам и жестокость к животным надо было исправлять воспитанием, а не мольбой к королю и королеве, но Раниеро хранил молча-

ние, не смея говорить без разрешения правителей. Его мнение никого не интересовало, и Раниеро помнил свое место, ожидая ответа Раанана и Зарии.

Подданные правителей притихли, стоило королю приподнять руку, взывая тем самым к тишине.

– Наше Предназначение состоит в том, чтобы однажды свет всех кристаллов стал белым. Чтобы все эна стали едины между собой в этом свете и больше не ведали ни горя, ни печалей, – уверенно и с расстановкой произнес Раанан, осмотрев весь зал. – Но и от вас зависит, настанет ли тот счастливый день, – добавил он, взглянув на фермера. – Сможете ли вы побороть мрак в кристалле, чтобы дать место Свету заполнить вашу жизнь... Война идет не только в нашем мире, но и в мире теней. Бесконечная страшная война за Свет. Ваши тени изранены в этих боях, они страдают... Вам должно помочь им, поддержать, не дать мраку распространиться и полностью поглотить кристалл. Раны теней затягиваются быстрее, если эна стойко идет по пути к Свету, – сказал Раанан. – Найдите утешение в словах оракула, ведь сегодня День Дара. День, когда мы как никогда близки к Свету и к Теням...

Опустив взгляд в пол, Раниеро про себя подумал, что от всех речей про Свет и Тени начал жалеть о своем назначении в королевскую стражу. Вдали от Сердца Басилеи, на фронте, подобные вопросы возникали только на проповедях клиров, местных служителей веры, на которые Раниеро не ходил. Ему не требовалось поддерживать дух перед битвами, поскольку с этим умело справлялась в своих письмах Люция, а во время сражений просто не было времени думать о возможной каре теней, равно как и о любой другой их таинственной воле.

Следующий визитер напомнил Раниеро о тех проблемах, с которыми он сталкивался на границе лично, чем и привлек его внимание.

– Командир Сигни просила передать вам ее рапорты, Светлейшие, и на словах подтвердить донесения наших разведчиков о том, что Мгла все ближе подбирается к восточной границе. Темные твари словно поселились в парящих горах, а Явления Мглы разрастаются, охватывая целые горные склоны, – делился тревожными новостями гонец из северо-восточного форта. – Командир просит правителей подумать о возможности отправить к нам в форт гвардейцев, – с надеждой произнес гонец, взглянув на Раниеро. – Присутствие избранных правителями могло бы поддержать солдат, а навыки – помочь одолеть Мглу!

Стоило гонцу замолчать, как Раниеро краем глаза заметил шевеление и услышал тихую речь варья. Прежде неподвижно караулившие Арни, Бьярни и Дагни словно уже порывались отправиться в путь, нетерпеливо глядя то на правителей, то на своего капитана. Раниеро едва заметно качнул головой, запрещая самовольно покидать пост и открывать рты. Варья разочаровано запыхтели, но послушно притихли, чтобы дожидаться решения правителей.

На этот раз и сам Раниеро хотел узнать их ответ, позволив себе взглянуть на короля и королеву. Одно их слово, быть может, могло спасти целый регион от Мглы, а для Раниеро и его гвардейцев путешествие на восток стало бы настоящей проверкой слаженности и командного духа. Снова переглянувшись между собой, правители негласно решили, как ответить на поставленный им вопрос.

– Передайте командиру Сигни, что Ледяной форт не останется без нашего внимания и поддержки, – с улыбкой ответила Зария. – Мы отправим подкрепление, чтобы восполнить потери гарнизона и увеличить его численность. Отправляйте нам рапорты о ситуации в форте. Если тьма не падет под натиском наших солдат – мы отправим к вам королевскую стражу, чтобы Свет очистил их стараниями восточную границу от Мглы раз и навсегда.

Раниеро мог разделить разочарование гонца, которому пришлось вымучивать благодарную улыбку в ответ на решение правителей. Как бывший командир пограничного форта, Раниеро знал, что отправка гонца в столицу означала отчаянное, едва ли не бедственное положение, при котором рапорты через почтовый ящик уже были недостаточным сигналом об опасности. В отличие от многих, наблюдавших за ходом разговора, Раниеро чувствовал тот неосязаемый

страх, с которым гонец просил о помощи, и полагал, что угроза Мглы на северо-востоке могла оказаться еще серьезнее, чем угроза вторжения арья на юге. Но он не мог спорить с королем и королевой. Оставалось лишь надеяться, что увеличенный гарнизон Ледяного форта действительно справится с Мглой.

Когда прием закончился, гвардейцы прошли в середину зала через толпу, оградив правителей от визитеров. Стоило последнему эна покинуть тронный зал, как гвардейцы одновременно развернулись лицами к правителям, ожидая их указаний, а Раанан тихо обратился к Зарии:

– Все ли готово к празднику? – спросил он, встав с кресла и взяв Зарию за руку.

– Я отправила Люцию в Храм Света помочь Пайаму с приготовлениями к церемонии. Она бы оповестила о проблемах, так что, думаю, все готово, – с улыбкой ответила Зария, вдруг задумавшись и грустно добавив: – ...Я больше беспокоюсь за вечерние празднества. Эна отягощены мраком, и он может дать о себе знать в самый неподходящий момент, – сказала она, тяжело вздыхая. – Как много темноты скопилось в нашем мире...

– Не печалься, моя королева, – мягко произнес Раанан. – Свет не оставит нас, а улицы будут стеречь городские стражники. Заодно и королевские гвардейцы могут отпраздновать этот прекрасный день, попутно следя за порядком, – добавил Раанан, повернув голову к Раниеро. – Капитан, после церемонии в Храме отправляйтесь с гвардейцами в город, – приказал король. – Проследите, чтобы горожане и гости Сердца Басилеи отпраздновали День Дара без вреда для себя и других... Ну и сами отдохните от своих тренировок, – добавил Раанан снисходительным тоном.

– Будет исполнено, господин, – ответил Раниеро, игнорируя расцветшие улыбками лица своих подчиненных, которым и в День Дара предстояло оттачивать умения во дворе замка.

Казалось, Раанан уже собирался отпустить гвардейцев, как вдруг снова заговорил, обратившись к Раниеро:

– Думаю, Пайам будет рад вас видеть. Составьте нам компанию на церемонии. Отправляйтесь на Смотровую башню, подготовьте наш эскорт до Храма.

На мгновение растерявшись, но успев взять себя в руки, Раниеро учтиво кивнул в ответ, соглашаясь с решением правителя.

– Как прикажете, господин, – спустившись с пьедестала, где располагались троны, Раниеро поклонился королю с королевой. Одновременно с ним поклонились и остальные гвардейцы, после чего все строем направились к выходу из тронного зала.

Понурый вид Раниеро не остался без внимания его подчиненных. Зашагав рядом с Раниеро, Хонора внимательно на него взглянула и с недоверчивой улыбкой поинтересовалась:

– Почему это оракул должен быть рад вас видеть, капитан? – спросила она, когда гвардейцы вышли в коридор к лестнице, что вела к Смотровой башне.

– Видимо, король считает, что оракул будет рад каждому своему воспитаннику, – хмуро ответил Раниеро.

– Пайам был вашим воспитателем?.. – удивленно спросил Молан, идя следом за Хонорой. – Надо же, не похоже!

Илар, шедший позади Раниеро, усмехнулся.

– Твое чувство такта далеко не так развито, как зрение, Молан!

– То есть вы и Люция?.. – осторожно произнесла Хонора, не слыша перепалки за своей спиной.

– Мы выросли при Храме после смерти родителей в последней экспедиции на запад, – нехотя, но все же ответил Раниеро.

– Кажется, вы не рады грядущей встрече с оракулом, несмотря на то, что он заменил вам семью, – скептическим тоном отметила Хонора, глядя прямо перед собой.

– Моя семья – это моя сестра. А теперь и вы, лесные кулики, – оглянувшись через плечо, заявил Раниеро, окинув гвардейцев беглым взглядом. – Арни, Бьярни, Дагни, направляйтесь в город на патруль! – приказал он непререкаемым тоном. – Остальные, шевелите крыльями! Отсутствие тренировок вечером не означает, что отдых уже начался!

Ускорив шаг, Раниеро стремительно направился к винтовой лестнице, ведущей на Смотровую башню. Переглянувшись, гвардейцы разделились: варья, чьи крылья не позволяли сопровождать правителей в воздушном эскорте, поспешили к выходу из замка, а оставшиеся гвардейцы направились за Раниеро к Смотровой башне. Вскоре они оказались на самой ее вершине, откуда открывался прекрасный вид на все Сердце Басилеи. Широкая круглая площадка была огорожена высокими золотыми перилами, и лишь в одном месте ограждение прерывалось, словно раскрывая объятия для желающих оказаться на гравированном каменном выступе. В середине площадки возвышался маяк, чей направляющий свет им предстояло зажечь.

– Нэро! – улыбнулась Люция, обрадовавшись появлению брата. Люция стояла ближе к выступу и, казалось, сияла ничуть не меньше, чем яркое солнце за ее спиной, окруженное кругом света. То было знамение Дня Дара, когда юные эна должны были получить имя и нити жизни со своими тенями в Храме. Символ праздника для большинства эферья и лишь явление на небе для тех, кто в знамения не верил, как сам Раниеро.

Слабо улыбнувшись сестре в ответ, Раниеро хмуро взглянул на стоящего рядом с ней эна в темных латах. Темные, почти черные короткие волосы были примяты снятым шлемом, а в голубых глазах мелькнула задорная искра.

– Генерал, – учтиво кивнув, Раниеро остановился напротив Вителиуса.

– Капитан, – кивнув в ответ, Вителиус помолчал и окинул доспехи Раниеро ироничным взглядом, после чего неожиданно спросил:

– Каждый вечер чистишь, что ли?

– Не пачкаю, – язвительно ответил Раниеро. Оба усмехнулись и пожали руки. – Да и возможности теперь нет... – уставшим голосом добавил Раниеро, скосив взгляд на довольно кивнувшую Люцию. – Эйра, зажги маяк и направь луч на Храм Света!.. И не расплавь его, будь добра, – словно между делом приказал Раниеро, обернувшись к угрюмой волшебнице, после чего снова продолжил беседу с Вителиусом. – Как дела на западной границе?

Эйра, закатив глаза на замечание капитана, зажгла волшебный огонь в основании маяка. Вьющаяся конструкция с горным кристаллом на вершине в окружении блестящих зеркал засияла ярким желтым светом. Как только свет стал насыщенным, Эйра направила его прямоком на виднеющийся вдали парящий остров, где располагался Храм. Стоило лучу маяка остановиться на своей цели, как городская стража, дежурившая на улицах Сердца Басилеи, взмыла в небо над городом, чтобы выстроить коридор для правителей вдоль луча маяка.

– Об этом я бы хотел поговорить с правителями без посторонних, – осторожно ответил Вителиус, взглянув за спину Раниеро на его подчиненных. – А как у вас дела здесь?

– У меня прекрасно, а они привыкают, – криво улыбнулся Раниеро. – Причем, смею предположить, по твоей вине. Что ты наплел про меня правителям?

– Что лучшего эна на должность капитана гвардии не найти, – ответил Вителиус, пердразнив самого себя. – Правда, пришлось объяснить, что случилось с Фероксом. Но ты живой, а значит, я не наврал! – хлопнув недовольного Раниеро по плечу, произнес воодушевленно Вителиус, обойдя его и Люцию, чтобы встретить появившихся короля и королеву. Гвардейцы вытянулись по струнке, а Зария и Раанан начали беседовать с прибывшим генералом.

Заметив, что Раниеро расстроился, Люция мягко взяла брата за руку, привлекая к себе его внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.